

попаванец

ПОПАВАНЕЦ

Игорь Валериев

ЕРМАК

ОТРЯД

Попаданец (АСТ)

Игорь Валериев

Ермак. Отряд

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Валериев И.

Ермак. Отряд / И. Валериев — «Издательство АСТ»,
2021 — (Попаданец (АСТ))

ISBN 978-5-17-135981-2

Сознание, душа, её матрица или что-то другое, составляющее сущность гвардии подполковника Аленина Тимофея Васильевича, офицера спецназа ГРУ, каким-то образом перенеслось из две тысячи восемнадцатого года в одна тысяча восемьсот восемьдесят восьмой год. Носителем стало тело четырнадцатилетнего казачонка Амурского войска Тимохи Аленина. За двенадцать лет Аленин многого достиг в этом мире. Очередная задача, которую он поставил перед собой – доказать эффективность тактики применения малых разведочных и диверсионных групп, вооружённых автоматическим оружием, в тылу противника, – начала потихоньку выполняться. Аленин-Зейский и его пулемёты Мадсена отметились при штурме фортов крепости Таку и Восточного арсенала города Тяньцзинь, а также при обороне Благовещенска. Впереди новые испытания – участие в походе летучего отряда на Гирин, ставшего в прошлом мире героя самым ярким событием этой малоизвестной войны, и применение навыков из будущего в операциях «тайной войны», начавшейся между Великобританией и Российской империей.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-135981-2

© Валериев И., 2021

© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Пролог	7
Глава 1. Разведка	12
Глава 2. На Сахалин	20
Глава 3. Будни	28
Глава 4. Колушанские высоты	36
Глава 5. Ренненкампф	44
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Игорь Валериев

Ермак. Отряд

© Игорь Валериев, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

*Посвящается моему отцу Валерию Ивановичу и любимой жене
Людмиле. За их поддержку и помощь*

Автор искренне благодарит всех участников литературных форумов «В Вихре Времен» и «Самиздат», чья критика, замечания и советы позволили улучшить данную книгу, особенно: *Акимова Сергея Викторовича, Мармонтова Игоря Георгиевича, Черепнёва Игоря Аркадьевича, Шаранова Евгения Ивановича.*

Пролог

– Ваше превосходительство, Генерального штаба капитан Аленин-Зейский по вашему приказанию прибыл, – доложил я, войдя в кабинет военного губернатора Амурской области генерал-лейтенанта Грибского.

– Заходите, Тимофей Васильевич, и присаживайтесь, – губернатор показал на стул у стола, за которым, кроме Грибского, сидели ещё два генерала.

– С генерал-майором Александровым вы, господин капитан, знакомы, а вот с генерал-майором Суботичем – нет.

Грибский показал рукой на мужчину в белом мундире и с внешностью горца. Высокий лоб, густые черные брови, пронзительный взгляд темно-карих глаз, орлиный нос, густые усы и борода цвета воронова крыла.

– Деан Иванович является военным губернатором Приморской области и наказным атаманом Уссурийского казачьего войска. Возвращается из отпуска и временно прикомандирован приказом генерал-губернатора к моему штабу.

Я склонил голову и щелкнул каблуками, благо был одет в мундир офицера Генерального штаба.

– Приятно познакомиться, ваше превосходительство, – произнёс я.

Суботич приветственно махнул рукой и указал на стул, на который я и приземлился.

– Господа, по последним данным, через три-пять дней в Благовещенск прибудет отряд генерал-майора Ренненкампа, после чего наших сил хватит на то, чтобы решить вопросы в приграничье, а именно с Сахаляном, Айгунем и дальнейшим походом на Мерген – Цицикар – Гирин по плану генерал-губернатора.

Грибский внимательно осмотрел сидящих за столом.

– Сегодня наш блиндированный пароход «Селенга» провокационно прошёл из устья Зеи до Верхнеблаговещенской станицы с целью выявления огневых сил противника напротив Благовещенска. Дойдя до Солдатской пади за островом Лохматый, пароход простоял там три четверти часа и вернулся обратно. Во время этого похода судно получило три повреждения от снарядов и множество попаданий от ружейного огня. Слава богу, никто из господ офицеров и нижних чинов не пострадал.

Военный губернатор сделал паузу и продолжил:

– Было установлено, что количество орудий на китайских позициях против Благовещенска снизилось до девяти против двадцати на начало осады. Плотность ружейного огня из окопов также снизилась. А в ложементах Солдатской пади китайских солдат нет. О чём это говорит, господа? Высказывайте свои мнения, но начнём с господина капитана.

Пока Константин Николаевич делился планами командования и рассказывал о разведывательном рейде по Амуру парохода «Селенга», я прикидывал, зачем на совещании трех генералов мог понадобиться капитан, исполняющий дела пограничного комиссара Амурской области. Разница в положении и звании, мягко говоря, приличная.

Военный губернатор Амурской области и наказной атаман Амурского казачьего войска генерал-лейтенант Грибский.

Генерал-майор Суботич – военный губернатор Приморской области и наказной атаман Уссурийского казачьего войска. Сейчас занимает положение, насколько я сумел узнать, как бы заместителя Грибского.

Генерал-майор Александров Николай Фомич – начальник инженеров Приамурского военного округа, привёл три дня назад авангард забайкальцев, взял на себя переустройство и строительство новых укреплений вокруг Благовещенска по последним требованиям фортификационной науки.

И – я?!

Задумавшись, чуть не пропустил последнюю фразу губернатора.

– Ваше превосходительство, думаю, что командующий войсками айгуньского амбана генерал Чжан и его начальник штаба Джуй начали передислокацию подразделений с целью усиления айгуньской группировки и укрепления обороны пути на Мерген¹, – выпалил я, вскочив из-за стола и вытянувшись во фронт.

– Садитесь, Тимофей Васильевич, не надо вскакивать, когда к вам обращаются. Докладывайте, не вставайте, – прервал меня Грибский. Дождавшись, когда я сяду на место, спросил: – Почему вы так думаете?

– Ваше превосходительство, предполагаю, что китайское командование уже получило подробную информацию о том, какие силы собраны в Благовещенске и сколько войск должно подойти в ближайшее время. Взять сейчас Благовещенск они уже не смогут, опоздали, поэтому им необходимо укрепить оборону на основном стратегическом направлении.

– Откуда такие сведения? – перебил меня уже генерал Суботич.

– Ваше превосходительство, я в Благовещенске нахожусь чуть больше двух недель, но, благодаря соседским отношениям казаков и китайцев с той стороны и полученным в результате этого сведениям, смог быстро составить картину о вооружении и личном составе пикетов противника на том берегу. Благодаря этому с девятого по тринадцатое июля казаками запасного разряда были уничтожены все китайские посты по Амуру от станицы Албазина до станицы Раде. Но информация идёт и на ту сторону. Реку перекрыть практически невозможно, поэтому считаю, что генералу Чжану известна информация о наших силах.

– Деан Иванович, – вмешался в разговор губернатор, – господин капитан знает, о чём говорит. В своё время он хорошо погонял хунхузов, как на нашем, так и на китайском берегу. Свой орден Станислава второй степени он получил за разгром зимой девяносто пятого двух крупных банд этих разбойников. Одна, в количестве более трехсот человек, шла как раз на Верхнеблаговещенскую станицу. А Тимофей Васильевич информацию об этой банде получил заранее. Сам в Сахалян, переодевшись, не раз ходил, благо и китайским языком, и маньчжурским диалектом владеет. Я правильно рассказываю?

– Так точно, ваше превосходительство, – несколько ошеломлённый этими словами, ответил я.

– Не удивляйтесь, господин капитан, мне об этом наш полицмейстер Батаревич поведал. Из-за этих способностей и возможностей я и пригласил вас на это совещание, Тимофей Васильевич. Необходимо провести разведку сил противника в районе Сахаляна, господин капитан. По предварительным планам нам необходимо будет разбить вооруженные силы айгуньского амбана сначала в Сахаляне, потом в Айгуне, а затем взять Мерген с дальнейшим захватом Цицикара. Поход на город Гириин будет зависеть от того, как пройдет рейд на Харбин из Хабаровска. Такая предварительная диспозиция генерал-губернатора Гродекова по боевым действиям в Маньчжурии.

Я встал из-за стола и, приняв стойку смиренно, произнёс:

– Ваше превосходительство, я готов возглавить отряд для разведки. Когда выступать?

Вот так и получил под своё командование шестьдесят с лишним казаков. Сначала хотел пойти в разведку только со своими братьями. Но Грибский такую идею зарубил на корню, сказав, что если на нас в случае обнаружения навалится большой отряд китайских войск, то мы не сможем уйти. Пришлось согласиться. В состав отряда вошли по двадцать казаков от третьей, четвертой и пятой сотен Амурского казачьего полка, чтобы никому обидно не было. От третьей сотни из офицеров пошёл хорунжий Казанов, от четвертой и пятой – их сотники Вондаловский

¹ Мерген – современный китайский город Нуныцзян.

и Резунов соответственно. Ну и хорунжий Селивёрстов. Ромка мне заявил, что если я его не возьму, то я ему больше не брат.

Лежу сейчас в полной темноте на берегу Амура чуть выше острова Лохматый и пытаюсь хоть что-то рассмотреть на противоположном берегу. Где-то минут двадцать назад через Амур на двух лодках ушли братья под командованием Ромки. Их задача – выяснить, что нас ждёт на том берегу, и обеспечить переправу, тихо вырезав китайский пикет, если он есть.

Это место выбрали из-за того, что остров позволял сделать остановку и дать отдых коням при переправе через реку. Ширина Амура здесь была около трехсот сажень. А остров находился почти посередине русла реки. Лежал, а в голове всплыла ассоциация, как примерно так же во время второй чеченской лежал на берегу Терека, готовясь к его переправе, чтобы скрытно попасть в составе группы спецназа ГРУ на территорию Чечни.

Я не оговорился и я не сумасшедший. Двенадцать лет назад моё сознание, душа, её матрица или что-то другое, составляющее сущность гвардии подполковника Аленина Тимофея Васильевича, офицера спецназа ГРУ, каким-то образом перенеслось из две тысячи восьмидесятого года в одна тысяча восемьсот восемьдесят восьмой год. Носителем стало тело четырнадцатилетнего казачонка Амурского войска и моего полного тезки Тимохи Аленина. Он был моим каким-то дальним родственником, но в моём потоке времени погиб летом именно восемьдесят восьмого при набеге хунхузов. Мне же после попадания в тело Тимохи с помощью знаний и умений офицера спецназа с большим боевым опытом удалось кое-как отбиться от бандитов.

Дальше со мной много чего произошло в этом мире. Основой для моей деятельности в этом потоке времени стал предсмертный наказ деда, которому я открылся о своей сущности. Наказ состоял в том, чтобы передать свои знания из будущего казакам Амурского казачьего войска. Благодаря моему приемному отцу станичному атаману Селивёрстову, создал школу для молодых казачат. Во время учебного выхода первого десятка учеников школы смогли уничтожить банду Золотого Лю. Потом экстерном закончил Благовещенскую гимназию. Дальше – больше. При сопровождении в качестве награды цесаревича Николая Романова, возвращавшегося из Восточного путешествия, закрыл его своим телом от выстрела снайпера при нападении хунхузов. Чудом остался жив. Потом поступил в Иркутское юнкерское училище, которое закончил за один год.

От императора Александра Третьего за спасение сына получил орден Святого Георгия четвертой степени, потомственное дворянство и приставку Зейский к фамилии. Императрица подарила очень неплохое имение рядом с Гатчиной. По указанию государя был телохранителем Николая, когда отец направил его наместником на Дальний Восток. Ещё два раза предотвратил покушения на будущего государя императора Всероссийского Николая II. После чего сопровождал его на встречу с будущей женой Еленой Орлеанской.

В этом мире произошли кое-какие изменения, которые заставляют задуматься, а мой ли это поток времени? Или моё попадание сюда так на него повлияло?

Из активных, влияющих на этот мир действий можно назвать убийство мною Юзефа Пилсудского – диктатора Польши в моём мире, отбывавшего здесь каторгу в Тункинском остроге и примкнувшего к восставшим Александровского централа под Иркутском. Нас, юнкеров, бросили тогда на подавление этого восстания.

Ещё большим отличием на одна тысяча девятисотый год является то, что император Александр Третий до сих пор живёт и здравствует. Всю камарилью из своих братьев и прочих Романовых держит в железном кулаке. «Гессенская муха» вышла замуж за герцога Йоркского Георгия, будущего короля Великобритании. Так что гемофилия царскому дому Романовых не грозит.

Елена Филипповна – так окрестили французскую принцессу, супругу цесаревича, – уже принесла счастливому Николаю двух погодков, мальчишек-здоровяков, и, как мне шепнули

знакомые при молодом дворе, скоро будет третий ребёнок. Николай очень девочку хочет. Вот и старается.

Великий князь Георгий Александрович тоже живой, но здоровье не очень. Настой из женьшеня с различными травами, приготовленный Ли Джунг Хи и переданный мною императору, видимо, помог поддерживать иммунную систему, но с туберкулёзной палочкой не справился. Правда, сейчас появился пенициллин, который изобрели супруги Бутягины. Женская половина этой пары – знахарка Марфа, или, как теперь её зовут, Мария Петровна Бутягина. Она единственный человек в этом мире, который знает, что в теле Тимофея Васильевича Аленина-Зейского живёт душа попаданца из будущего. Именно ей я давно рассказал, что в моём мире был выделен из грибов семейства пенициллов сильный антибиотик, способный бороться с множеством болезней. Может быть, он Георгию поможет?

В остальном же события в этом мире текут более-менее похоже с моим. Это с учётом того, что я помнил по историческим событиям моего мира, произошедшим в этот временной промежуток.

Подтверждая похожесть миров, в июне одна тысяча девятисотого года поучаствовал в захвате фортов Таку и освобождении европейских дипломатических концессий города Тяньцзинь. Эти события привели к тому, что «боксёрское» восстание привело к войне, объявленной китайской императрицей Цы Си против коалиции европейских государств.

Как я попал на этот театр боевых действий? Если кратко, то после сопровождения Елены Орлеанской из Англии в Россию возникли слухи, из-за которых я оказался опять на Дальнем Востоке. На практике, отрабатывая мои теоретические взгляды из будущего на действия малых групп, вооружённых автоматическим оружием, пулемётами Максима и Мадсена, почти два года гонял хунхузов по всему Приамурью. Потом учёба в Николаевской академии Генерального штаба, где очень ярко почувствовал себя белой вороной. Непонятно какого происхождения, увешан наградами, которых многие штаб-офицеры, а то и генералы не имеют.

По окончании академии, насколько понимаю, по протекции императора, был оставлен в Главном штабе при Военно-ученом комитете, чтобы дальше продвигать развитие военной тактики по применению малых разведывательных и диверсионных групп, вооружённых автоматическим оружием, в тылу противника.

Новая служба действительно была интересной, так как в большей степени пропадавал в Ораниенбаумской стрелковой школе, где на базе кавалерийского эскадрона и пулемётных команд созданного ещё в девяносто пятом году пулемётного отдела отрабатывал различные тактические приёмы.

Кроме этого, там же шли постоянные испытания новых модификаций пулемёта Мадсена, в который я внёс много конструкторских изменений с учетом знаний из будущего. Но вот отношение большинства офицеров ко мне было как и в академии. Поэтому через императора смог добиться откомандирования в распоряжение генерал-губернатора Приамурья. А то столичная жизнь и отношение аристократов достали!

После Таку и Тяньцзиня прибыл во Владивосток, где познакомился с замечательной девушкой – дочерью помощника генерал-губернатора Беневской Марией. Её отец, генерал-лейтенант Беневский, в своё время написал мне рекомендательное письмо для начальника Иркутского юнкерского училища.

С личной жизнью, что в прошлом, что в этом мире, у меня как-то не ладится. В прошлом или будущем дважды был женат, но обе супруги ушли, не выдержав кочевой жизни офицера спецназа. В этом мире на балу у княгини Трубецкой познакомился с Анечкой фон Дерфельден, так похожей на мою вторую жену из прошлой жизни, что возникло ощущение, будто бы я встретил призрака. Показалось, что чувства были взаимные, но теперь она носит фамилию мужа. Не срослось!

Потом встретил и полюбил мою «смелую птичку» Дарью. Образовалась невенчанная семья, так как официально я не мог на ней жениться. Но надеялся с помощью цесаревича решить данную проблему. Судьба распорядилась по-другому. Один из террористов, готовящих покушение на наследника престола, убил её и моего неродившегося ребёнка. Приехав в Хабаровск, я посетил её могилу, на которой не был почти пять лет. Долго мысленно разговаривал с ней. Просил прощения.

И вот теперь в моей жизни появилась Мария Беневская. В моём мире она через несколько лет под влиянием Бориса Савинкова вступила в боевую организацию эсеров. При изготовлении бомбы для покушения на московского генерал-губернатора Дубасова подорвалась, потеряла часть кисти, была приговорена к смертной казни. Казнь по прошениям отца заменили каторгой, на которой девушка пробыла до революции в семнадцатом.

Как и планировал, своего старого знакомого ротмистра Савельева Владимира Александровича, ставшего самым старшим и «страшным» жандармом Приамурья, я посетил и попросил потихоньку и не афишируя особого интереса узнать о судьбе Савинкова. Тот пообещал помочь.

С Марией же две недели назад мы целовались в недостроенном храме Благовещенска, когда китайцы обстреливали из орудий город. Экзотика, однако. Только вот с тех пор нормально поговорить с ней не было возможности. Мария при моём присутствии смущалась и старалась не оставаться наедине.

«Кажется, я своей страстью её сильно напугал. А определиться в отношениях не мешало бы, – чувствуя, как тесно становится в штанах в паховой области, подумал я. Сказывалось длительное воздержание. – Девушка мне нравится. Той судьбы, как в моём мире, для неё не хочется. И если цинично, то стать зятем генерал-лейтенанта, как ни крути, полезно для решения многих вопросов».

В этот момент я увидел, как на противоположном берегу трижды мигнул небольшой огонь.

Глава 1. Разведка

– Ваш высокобродь, кажись, сигнал, – тихо прошептал лежавший рядом со мной казак из четвертой сотни.

– Да, братец, сигнал. Начинаем переправу.

Я поднялся с земли и начал вслед за казаком спускаться с крутого песчаного берега к реке, где скопилась полусотня разведки.

Основными задачами на этот разведывательный рейд, поставленными военным губернатором, были проверка наличия и количества вражеских войск в окопах и ложементов напротив станицы Верхнеблаговещенской, а также выяснение возможности прохождения артиллерии и обозов через Безымянную и Маньчжурские пади. По этой местности планировалось выдвинуть войска при наступлении группировки правого фланга на Сахалян, так как путь напрямую на город вдоль берега был непроходим для артиллерии. Кроме этого, постараться выяснить, есть ли силы противника и их количество за Сахаляном. Через телескоп в обсерватории Шадрина, превратившейся за время осады в наблюдательный пункт, часто наблюдали скопление войск на сопках за китайским городом. С учетом этого можно было предположить возможность удара во фланг наших войск, наступающих на Сахалян. Ещё одну задачу я поставил уже для себя – постараться захватить языка.

Подготовку к этому рейду пришлось проводить в режиме аврала. Было бы куда проще, если бы в разведку пошла одна полусотня четвертой сотни, где служили мои братья. Пускай второочередники, но зато все с опытом ведения боевых действий против хунхузов. Да и притираться им друг к другу не надо. Четыре года в своё время вместе отслужили, а со многими я вместе гонял хунхузов пять лет назад.

Но военный губернатор принял решение сформировать сводный отряд. Честно говоря, до сих пор не понимаю причин такого комплектования. «Чтобы никому обидно не было» – звучит как-то по-детски и непрофессионально. Но с генерал-лейтенантом не поспоришь. Хорошо хоть, удалось продать у Грибского выделение дополнительных плавсредств, которые, если нас обнаружат, ждали бы на китайском берегу в начале Утёсной пади. Переправляться через Амур с лошадьми вплавь под обстрелом как-то не хотелось. Большие потери нам ни к чему. А так несколько паромов, сделанных из лодок, имеющих гребцов и палубы из досок, с которых можно было вести ответный огонь, включая пулемётный, позволили бы уйти с минимальным ущербом, если, конечно, из орудий не накроют. Но это уже военная диалектика, попадут или не попадут.

Ещё одним моментом торга с военным губернатором стало выделение в разведрейд моих же пулемётов Мадсена. Еле пробил три штуки. Плюс к этому Леший и Шило, как лучшие стрелки нашего первого десятка школы казачат станицы Черняева, получили от меня улучшенные винтовки с оптикой, остальным братьям отдал остальные винтовки в качестве подарка. Посидеть по душам у нас так за всё время осады Благовещенска и не получилось. Всего-то пообщались минут двадцать, когда раздавал им в доме Таралы «пряники».

Кстати, якуты и черкес за это время значительно увеличили свои счета, но до ста душ им оставалось далеко. Как жаловался якут, зверя мало стало, прячется. Про себя я решил, что винтовки я им в любом случае отдам. Их появление на позициях во время осады стало представлением и развлечением для ополченцев и дружинников. Многие на их выстрелы делали ставки. Так что подтверждение попаданий было многократным. Свидетелей было много. Черкесу приписали убийство какого-то большого китайского чиновника или военачальника. Во всяком случае, сначала после выстрела Тугуза и попадания на той стороне разразились крики ярости и отчаяния, а через пару дней с наблюдательного пункта в доме Шадрина сообщили, что в Сахаляне проходят пышные и богатые похороны. В общем, винтовки они заслужили.

– Господа, получен сигнал с того берега от хорунжего Селивёрстова. Начинаем переправу. С Богом, господа! – произнёс я, подойдя к офицерам, после чего снял фуражку и перекрестился.

Офицеры последовали за мной, а за ними сняли фуражки и начали креститься казаки, читая, кто про себя, а кто и вслух, молитвы. Тому, кто ни разу не переправлялся ночью через водную преграду, ожидая каждую секунду огня на поражение, тяжело представить те чувства, которые начали обуревать каждого. А сегодня ещё и ночь была пасмурной, луна и звезды очень редко показывались из-за облаков. К тому же порывы ветра гнали по водной глади барашки волн.

– С Богом, братцы! Начинаем переправу! – сделав небольшую паузу, командовал я, надевая фуражку.

Лодок с гребцами атаман станицы Верхнеблаговещенская выделил всего двадцать штук, поэтому переправлялись на этих самодельных судах, держа коней в поводу, чуть больше половины казаков, максимум по двое на судно. Остальные переправлялись вплавь со своими конями, предварительно сложив обмундирование и оружие в лодки к товарищам.

Три сотни сажень водного пространства, да ещё и с течением, признаться, серьёзное испытание. К тому же ночью. С учётом течения, сплавлялись выше от острова Лохматый. Рассчитали всё точно. Дошли до острова, чуть отдохнули – и дальше. Вот и противоположный берег.

Нос моей лодки ткнулся в прибрежный песок первым. Конь, выделенный мне на операцию, уже не плыл, а с трудом шёл по дну за кормой. Рядом со мной сидел казак, назначенный мне в посыльные, державший за повод своего четвероного друга.

Выпрыгнув из лодки, я ступил на берег, за повод выводя коня на сушу. Отметил краем глаза, как ко мне скрытно метнулась тень, рефлекторно схватился за рукоять нагана, выдёргивая его из кобуры.

– Ермак, это я, – прошептал Ромка.

– Хорунжий, ещё раз попытаешься так подойти ко мне, получишь третий глаз во лбу.

Мысленно сбрасывая напряжение, сунул револьвер назад в кобуру.

– Извините, господин Генерального штаба капитан, – обиженно ответил Ромка.

Я, кинув повод в ноги коня, взял названного брата за руку и отвел в сторону, чтобы нашего разговора не услышали высаживающиеся на берег казаки и офицеры.

– А теперь, Роман Петрович, послушай меня внимательно, – злым шёпотом начал я. – Детство и игры закончилось. Ты офицер! Мы на боевой операции. На тебе ответственность за жизни подчинённых. А тебе поиграть захотелось?! Так о твоей лихости, забубённой и дурной головушке и так уже все знают. Но либо грудь в крестах, либо голова в кустах – это не для моих подчинённых. У меня все живыми остаются и ордена да кресты на грудь получают! Ты всё, Лис, понял?!

– Так точно.

– Вижу, что не понял. Вернёмся из рейда, я до тебя эту мысль доведу как раньше – через руки, ноги и другое место. А теперь докладывай.

Ромка хрюкнул. Не знаю, что он там себе представил, но доклад начал серьёзным тоном.

– Господин капитан, все окопы и ложементы на двести сажень вверх по течению, где они заканчиваются, и вниз на версту пусты. Кроме стреляных гильз, никого и ничего больше нет.

В этот момент к нам подошли сотники Вондаловский, Резунов и хорунжий Казанов.

– Господа офицеры, в округе противника нет. Час на отдых и приведение себя в порядок после переправы. Огня не разжигать. Ночь тёплая, казаки и так обсохнут. В два часа после полуночи выдвигаемся к Безымянной пади.

Дальше я определял порядок движения, цели и задачи каждому подразделению на время марша.

К пяти утра вышли к небольшой роще, с опушки которой можно было увидеть импань² и фанзы Малого Сахалина.

За три часа пути стало понятно, что окружная дорога длиной около шестнадцати вёрст через Безымянную падь в тыл Сахалина для движения артиллерии и обозов оказалась непригодной. На четвёртой и пятой верстах от берега – два затопленных оврага с крутыми откосами, через которые орудия придётся тащить на руках. Ещё более глубокий овраг был на девятой версте. Его пришлось преодолевать пешком, держа коней в поводу, иначе можно было упасть вместе со своим четвероногим другом с большим риском для жизни, что своей, что коника.

Протащить пушки и обоз через этот овраг потребовало бы очень больших усилий. Проще было бы прорубить просеку, обходя эту естественную преграду. Кроме оврагов, дорога через Безымянную падь несколько раз пересекала топкие низины, где местами кони погружались в болотную жижу по грудь. Поэтому, добравшись до рощицы, остановились на роздых, да и осмотреться надо было, чтобы определиться, что делать дальше.

Честно говоря, я так и не понял генерала Грибского, почему он настоял на разведке таким большим отрядом. Видимо, в его понятии летучий отряд или корволант – это минимум сотня, а лучше две. Мне же было бы куда проще пройти указанный для разведки маршрут малой группой и лучше пешком. Хватило бы одних братьев, которые к большим переходам на своих двоих были в своё время хорошо подготовлены. Причём и оторваться от преследователей было бы проще. На маршруте полно и леса, и болот, где нас не достали бы никакие преследователи. А сейчас ломай голову, куда и как двигаться дальше с соблюдением скрытности. А шестьдесят с лишком казаков – не десяток, да и кони за ночной переход сильно устали. Часа три на отдых для них нужно. А мы в этой рощице, как в своё время сказал Савелий Крамаров в замечательной комедии, торчим у всех на виду, как три тополя на Плющихе. Плюс к этому и шумим. Лязг стремян, удил, фыркание лошадей, шепот казаков в утреннем тумане, окружившем нас, далеко услышать можно, а до фанз и версты не будет. Надо будет назад в падь подальше отойти.

Дал команду офицерам уйти назад по маршруту. Там где-то через полверсты в лесочке был небольшой овражек, как раз для скрытой стоянки полусотни казаков. Сам же отправился на опушку осмотреться.

– Ну что здесь, Лис? – шёпотом спросил Селивёрстова, подползая к лежащему в кустах рядом с деревом и наблюдавшему за китайскими строениями хорунжему.

– Пока до конца не разобрался, Ермак. Утро, спят ещё все. Да и туман мешает, – повернув голову в мою сторону, одними губами ответил Ромка и передал мне мой бинокль, который я вручил ему как командиру авангарда. – В импане на стенах четверо часовых. Судя по его размерам, в нем может быть рота солдат, около ста пятидесяти человек. В фанзах пока никого не видел, но то, что они не пустые – точно. Пара фонарей над воротами ещё горит, от парочки дымок недавно шёл. Так что до двухсот человек в этих четырёх строениях точно наберётся. Не представляю, как мимо них пойдём. В сопки точно не сунешься, дорога к ним на несколько вёрст просматривается. В Маньчжурскую падь мимо строений по дороге также не пройдёшь. Если только назад возвращаться, а потом по болоту в низине, что в двух верстах отсюда, пробираться. А дорога-то к этой падя от импани накатанная.

Пока выслушивал Ромку, внимательно разглядывал строения и укрепления, а также округу.

«Лис прав, мимо этого импаня скрытно нам не пройти, а ввязываться в бой не хочется. Не вижу смысла. Из вероятных языков там максимум цолин, то есть командир роты. А что он может знать? Да практически ничего, – думал я, пытаюсь найти какое-то решение возникшей проблемы. – Конечно, можно отправить основную массу казаков в Маньчжурскую падь через

² *Импань* – группа жилых и хозяйственных построек, предназначенных для китайских войск и обнесенных глинобитной стеной или земляным валом в виде квадрата высотой до четырех метров. Для роты со стороны около 80–100 метров.

болото, как советовал Ромка, а самому с братьями в пешем порядке попробовать прогуляться до сопок, посмотреть, что и кто там находится. Н-да, проблема... И хочется, и колется, и мама не велит».

– Лис, а где братья?

– Шах с Чубом и Усом пошли проверить пути к импаню и фанзам, пока туман ещё стоит. А то впереди овраги непонятные. Леший с Шилом держат на прицеле часовых, хотя те спят. Тур, Савва и Сыч с пулемётами контролируют подходы к опушке рощи. Если что, прикроют тройку Шаха огнём.

– Хорошо.

В этот момент туман в сторону сопок рассеялся, и я увидел через бинокль, как от них по дороге к городу идёт конный обоз в сопровождении всадников. Расстояние до колонны было около четырёх вёрст, подробности рассмотреть пока не удавалось, но два орудия и, кажется, полевые или конные четырёхфунтовки я рассмотрел.

«А вот это уже интересно, – подумал я. – Язык из войск, расположенных в сопках, да ещё и пара орудий...»

Пришлось быстро унять свои мечты и скомандовать Ромке, чтобы тот мухой летел к стоянке и передал команду на выдвижение назад в падь отменить, а офицерам скрытно прибыть на совещание. Час, а то и больше до прибытия обоза у нас был, лишь бы тот не свернул куда-нибудь по дороге. А так и немного отдохнуть, и составить план нападения успеем. Жалко, что солдаты в импане к этому времени проснутся. Хотя, может, они позже встают. Это было бы прекрасно.

Понаблюдав ещё некоторое время за зданиями и обозом, отполз с опушки и, пригибаясь, двинулся к стоянке. Кстати, тройку Шаха, как ни старался, так и не смог рассмотреть. Молодцы ребята, сохранили навыки.

Совещание с офицерами несколько затянулось. Сотники Вондаловский, Резунов и хорунжий Казанов как один оказались фанатами кавалерийских атак. «Шашки к бою и вперёд», «руби их в песи, круши в хузары». Это всё, что от них услышал о возможном бое. Единственно, в чём разошлись господа офицеры, – это порубать обоз сразу или дождаться, когда откроют ворота в импань, чтобы и там всех покрошить, как капусту.

Выслушав мнения казачьих офицеров, дождался Шаха, точнее, младшего урядника Шохирева Георгия, которого привёл на совещание Ромка. Из доклада разведчика стало понятно, что топкие овраги от рощи к импаню не позволят быстро добраться до ворот этой мини-крепости напрямую. Придется сначала выходить к дороге, сажень в ста от ворот, и по ней атаковать вход в крепость.

С учётом полученной информации и того, что обоз,двигающийся быстрее, чем я предполагал, был уже в версте от импаня и, судя по всему, никуда сворачивать не собирался, довёл до офицерского состава следующий план будущего боя.

Хорунжий Селивёрстов с тремя расчетами пулемётов на своих двоих прямо сейчас скрытно выдвигается на позицию около ворот в импань. Благо около десятка корейских кедров сажень в тридцати от южной стены крепостицы позволяли надёжно укрыться. Задача этой группы была при открытии ворот в импань уничтожить солдат, охраняющих обоз, и ворваться в крепость. Ещё один десяток пеших казаков четвертой сотни под командованием сотника Вондаловского должен был поддержать огнём пулемётные расчёты Селивёрстова, а потом освободить дорогу, убрав с неё повозки и орудия, чтобы двадцать казаков третьей сотни под командованием хорунжего Казанова вслед за пулемётчиками ворвались в импань.

Казаки Вондаловского, освободив дорогу, врываются в крепость следом. Ещё одной задачей этого десятка был захват живым пленного офицера из состава обоза. Поддерживать их должны были снайперским огнём Леший и Шило. Забравшись на две большие сосны, расту-

щие в двухстах саженях от импаня, они получали возможность контролировать противника и внутри крепости.

Судя по времени подхода обоза, проснувшихся солдат в казармах импаня будет немного. Надеюсь, сорока казаков, трёх пулемётов и огня снайперов хватит, чтобы основную массу китайцев обратить в паническое бегство. Опыт боёв за форты крепости Таку и Восточный арсенал Тяньцзяня говорил о том, что солдаты империи Цин предпочитают в трудную минуту бежать не разбирая дороги.

Последние двадцать казаков из пятой сотни под командованием их командира сотника Резунова оставались в резерве. Сколько вооружённого противника имеется ещё в трёх больших фанзах – неизвестно. Владимир Михайлович неоднократно уже участвовал в вылазках на китайский берег, и я надеялся на его опыт, хотя своей ролью он остался очень недоволен. Я-то шёл в бой вместе с братьями, а он в тылу должен ошиваться.

– Господа, вопросы? – задал я вопрос, строго оглядывая офицеров.

– Никак нет, – почти дружно ответили те.

– Тогда приступаем. Времени осталось всего ничего, а нам необходимо занять позиции. С Богом! За веру, царя и Отечество!

Прошло двадцать минут, и мы лежим среди небольшой поросли молодого корейского кедра. Пулемётные расчеты выбрали позиции и затихарились. Я же рассматриваю подходящий к импаню обоз. До него осталось около ста саженей. Две конные четырехфунтовки, шесть телег, тридцать всадников. Впереди колонны, судя по одежде, следует каньлин, или командир полка, рядом с ним двое младших офицеров – линцуев.

– Александр Владиславович, – передавая бинокль, обратился я к сотнику Вондаловскому, лежавшему рядом со мной, – впереди обоза едет офицер в должности как наш командир полка. Его надо взять живым.

Сотник приник к биноклю, хотя китайского старшего офицера было видно уже невооружённым глазом.

– Роман Петрович, вас это также касается. Отдайте команду пулемётным командам, чтобы не зацепили его.

– Слушаюсь, господин капитан, – Ромка улыбнулся мне и ловко уполз на позиции пулемётчиков.

Между тем сотник Вондаловский, оторвавшись от бинокля, тихо произнёс:

– Как-то непривычно на пузе пластаться, господин капитан.

– Поверьте, Александр Владиславович, я вас научу плохому.

Сотник удивлённо посмотрел на меня, а потом приложил огромные усилия, чтобы в голос не расхохотаться. Кое-как сдержавшись, он произнёс:

– А как полковника в плен брать будем?

– Надеюсь, Шило или Леший его легко ранят. Извините, господин сотник, старшие урядники Лешков и Подшивалов. Мы в своё время такую тактику отрабатывали на вожаках хунхузов. Думаю, и здесь сориентируются.

– Господин капитан, а вы давно знакомы с теми казаками из моей сотни, которых отдали в отряд хорунжего Селивёрстова?

– Всю жизнь, Александр Владиславович. Мы выросли в одной станице. Они все входили в первый десяток обучавшихся в школе для казачат станицы Черняева. Трое из них, включая меня, стали офицерами, – ответил я, жуя зубами травинку и ощущая горечь во рту. – Все входили в конвой его императорского высочества, потом почти два года гоняли хунхузов по всему Приамурью, пока у них не закончился первый срок службы. Присмотритесь к ним, Александр Владиславович. Более подготовленных казаков во всём полку не найдёте.

– А Роман Петрович?

– Это мой названный брат. Его отец взял меня в семью, когда погибли и умерли все мои родственники. Мне тогда было четырнадцать лет. Он и хорунжий Данилов – из первого десятка.

– А правда... – начал сотник, но я его прервал:

– Всё! Тихо! Начинаем бой.

Приложив к плечу приклад-кобуру маузера, я начал выбирать цель. Обоз к этому времени почти дошёл до ворот импаня, которые стали потихоньку открываться. Маузер стал ещё одним фактором, вызывающим вопросы и зависть офицеров в Благовещенске. Два таких же, как и у меня, я подарил Лису и Дану, поздравляя их с офицерским званием. Должен же я был как-то их выделить, если финансы позволяют.

Дальше события понеслись вскачь. Сзади раздалось два выстрела Лешего и Шило. Как я понял, стреляли они в кого-то внутри импаня. Потом застучали мадсены, и всадники, окружавшие обоз, начали валиться на землю. Судя по тому, как один из пулемётов работал отсечками по два-три патрона, за ним находился Ромка. Его умение работать с мадсеном ещё пять лет назад превысило моё.

Я начал выцеливать цаньлина, но тут он схватился за плечо и упал с коня.

«Хороший выстрел», – подумал я, перенося мушку на другую цель и открывая огонь.

Чуть больше минуты – и все солдаты, офицеры обоза лежали в основном на земле. Некоторых, запутавшихся ногами в стремях, кони уносили в сторону от дороги. К воротам импаня устремились пулемётные расчёты во главе с Ромкой, державшим в руках уже пистолет Маузера. Казаки Вондаловского бежали к повозкам и орудиям, чтобы убрать их с дороги. За своей спиной я услышал грохот копыт. Казаки аллюром три креста выходили из рожи для атаки на крепость. Смотреть на них было некогда, так как чуть ли не скачками бежал к китайскому офицеру.

«Вот непруха, – подумал я, глядя, как из перебитой плечевой артерии цаньлина толчками идёт кровь. – Хана, не спасти».

Как говорится, глаза боятся, руки делают, достал из ножен предплечья метательный нож, отхватил ремень от кобуры и начал перетягивать руку китайскому полковнику. Затянув ремень, достал перевязочный пакет и начал бинтовать рану.

Мысли же бились в виски: «Ни хрена не получится. Покойник. Что же так не повезло! Чуть влево или вправо, и был бы замечательный язык. А так... Е... твою же...»

Между тем события неслись вскачь. Ромка и братья ворвались в импань, откуда грохот мадсенов перекрыл треск винтовочных выстрелов. Казаки Казанова влетели в крепость быстрее, чем туда успели ворваться пешие станичники сотника Вондаловского. Панические крики китайцев перекрыли по громкости шум выстрелов. Судя по звукам, можно было сказать, что захват мини-крепости в Малом Сахаляне состоялся.

Устало поднялся с колен и посмотрел на бледное лицо лежавшего без сознания цаньлина.

«Не жилец, – подумал я и решил осмотреть других китайских офицеров. – Может, кто-то выжил?»

Вскоре убедился, что в этом отношении богиня Фортуна нас покинула. Все были мертвы. В это время со стороны фанз, находившихся за импанем, раздался выстрел.

– Шашки к бою! – услышал я голос сотника Резунова, который уже вывел свои два десятка на дорогу. – В атаку!

Казаки разом сорвались с места, пластая воздух холодным оружием, и буквально через несколько мгновений пролетели мимо меня, обтекая стену импаня с западной стороны, где проходила дорога.

Кроме мата у меня в лексиконе не осталось ничего. Куда Резунов поперся? С шашками штурмовать фанзы, обнесённые заборами. Да их там сейчас перестреляют! Эти мысли заставили бегом отправиться внутрь крепости.

«Если удача не покинет нас, то со стен импаня успеем поддержать атаку сотника», – такая мысль билась в моей голове, пока бежал.

Влетев в ворота, увидел, что сопротивление в крепости было сломлено. Китайские солдаты, в большинстве своём в одном нижнем белье, уже не думали о сопротивлении, а спасались бегством, взбираясь на стены и прыгая вниз за пределы импаня. Конные казаки занимались рубкой мечущихся во дворе китайцев, пешие выбивали противника, как в тире – на выбор.

Увидев Тура, менявшего в пулемёте магазин, крикнул ему, чтобы он следовал за мной, и бросился к одной из лестниц, ведущих на северную стену импаня. Находившихся на этой лестнице китайцев смёл несколькими выстрелами. Взобравшись на стену, понял, что опоздал. Атака казаков Резунова уже закончилась. Они уже ворвались отдельными отрядами в фанзы и уничтожали находившихся там китайцев. Но на земле перед одной из фанз лежали трое казаков, в одном из которых я узнал сотника Резунова. Разом как-то обессилев, опустился на корточки, краем глаза отметив, как Тур из пулемёта длинной очередью снёс со стены нескольких китайцев.

Взяв себя в руки, поднялся, оглядываясь вокруг. Бой, можно сказать, закончился. Редкие выстрелы ещё раздавались, но это, судя по всему, добивали остатки китайских солдат, не сумевших вовремя убежать. Осталось грамотно распорядиться победой и вовремя унести ноги.

Подсчет потерь и захваченных трофеев много времени не занял. Убиты двое казаков и сотник Резунов. Умудрился Владимир Михайлович получить пулю прямо в сердце. Умер мгновенно. Ранены были ещё пять казаков, слава богу, все легко. В основном все безвозвратные потери получили после атаки двух десятков Резунова, и хорошо, что они оказались такими небольшими.

Из значимых трофеев – два четырехфунтовых конных орудия Круппа со снарядами и несколько знамён. В повозках обоза кроме двух десятков ящиков со снарядами ничего больше ценного не оказалось. Казаки, понятно, прибарахлились, пройдя мелким бреднем по казармам, складам импаня и фанзам, но чего-то достойного найти не удалось. Из языков достался один из младших офицеров, который ничего значительного при первом допросе, проведенном мною, не сказал, просто не знал.

В общем, пора было уносить ноги, но предварительно подготовить для китайцев небольшую подляну. Сначала хотел из захваченных орудий открыть огонь по Сахаляну. Но как оказалось, пушки немецкого и русского производства отличались по конструктивным особенностям, у них были разные типы затворов и механизмы вертикальной наводки. Специалистов для стрельбы из этих орудий в нашем отряде не нашлось, и для себя я этот пробел в своём образовании отметил галочкой. Надо будет минимальный практический объем знаний у артиллеристов получить. А то захватили орудия, а как из них стрелять – никто не знает. В Таку была такая же картина.

Оставалось только заминировать склад с боеприпасами, поджечь всё, что может гореть, и быстро-быстро сваливать, так как в Сахаляне наметилась какая-то движуха. Для склада использовал простую схему – пара бочонков нашедшегося здесь же пороха, напротив них расположили зафиксированный на столе здоровенный карамульдук с ударно-кремнёвым замком. Небольшая система противовесов, в результате чего после пережигания верёвки груз падал вниз, другая веревка дёргала спусковой крючок, и должен был произойти выстрел этой мини-пушки. Бочонки взрываются, а дальше должен был взлететь на воздух и весь склад. Плюс к этому к арсеналу подогнали повозки со снарядами. Попробовав несколько раз эту схему вхолостую, перерезав верёвку, зарядили карамульдук и поставили горящую свечу, которая, по моим прикидкам, должна была где-то через полчаса эту схему заставить сработать.

К этому времени наша колонна, забрав убитых, раненых, трофеи, уже ушла в сторону Маньчжурской пади. Эта дорога действительно оказалась накатанной и вполне проходимой для

артиллерии. В авангард ушли казаки хорунжего Казанова, я же с братьями и казаками сотника Вондаловского остались в арьергарде, прикрывать наш отход.

Уходили на рысях. За полчаса прошли чуть больше семи вёрст. Я всё ждал, как сработает моя конструкция, и уже начал волноваться. Наконец, случилось. Рвануло так, что звук до нас докатился и на таком расстоянии, а клубы дыма, рванувшиеся вверх, были видны, будто бы мы и не успели далеко отойти от импаня.

На свой берег перебрались без потерь. Правда, пришлось поплавать. Паромы были использованы для переправы захваченных трофеев и дувана, сами же переправлялись вплавь под грохот канонады. Китайцы открыли массированный огонь по Благовещенску. Видимо, мы хорошо надавали им по сопатке, раз они так обиделись. Где-то после полудня, переодевшись, был на докладе у военного губернатора. Перед резиденцией генерала Грибского стояли два орудия, ящики со снарядами, пусть и немного, четыре китайских знамени, которые держали в руках казаки четвертой сотни, двое из них были Савва и Сыч.

– Ваше превосходительство, доклад закончен.

– Да, Тимофей Васильевич, даже не знаю, что и сказать, – военный губернатор Амурской области потёр переносицу. – С одной стороны, результаты просто великолепные, но потери, особенно погибший сотник Резунов, а также то, что не удалось узнать, какие силы противника в тылу Сахаляна...

– Ваше превосходительство, готов этой же ночью вновь переправиться на ту сторону и разведать обстановку около сопки. Единственно, прошу разрешить пойти малой группой, не больше десяти человек, и пешком. Там открытая местность, конными не пройти. Спустя сутки вернёмся.

– Да какое там, господин капитан. Вы сейчас разворошили китайцев, как тот муравейник. Они после захвата и уничтожения импаня в Малом Сахаляне три часа город усиленно обстреливали. Насолили вы им изрядно. И мы все их орудия напротив Благовещенска выявили. Одно старьё осталось, – Грибский усмехнулся. – Правда, и у нас потери есть. Убито два нижних чина, три горожанина. И две гранаты попали в больницу Красного Креста. Ваши знакомые, мадемуазель Беневская и мадам Бутягина, ранены.

Глава 2. На Сахалин

Фраза генерала о ранении обеих Марий была как сильный удар под дых. Я чуть реально не согнулся от такой новости, но кое-как смог себя удержать в руках. Видя моё состояние, Грибский милостиво отпустил меня, взяв обещание, что к восемнадцати ноль-ноль я представлю подробный письменный доклад о рейде и наградные листы. Заверив губернатора, что всё выполню, буквально вылетел из его кабинета и ринулся на выход из резиденции.

Как добрался до больницы, не помню. Наверное, многих напугал своим внешним видом. Ворвался в здание и в палату, где лежали раненые. Марий там не оказалось. Одна из медсестёр, находившаяся в палате, испуганно глядя на меня, показала рукой на дверь, за которой была как бы комната отдыха для медперсонала.

Без стука открыв дверь, я столкнулся с семейной и несколько пикантной сценой. Доктор Бутягин с ложечки поил свою жену чаем. Вызвано это было тем, что обе ладони Марии Петровны были массивно так забинтованы. Рядом сидела вторая Мария с перевязанной головой, безвольно откинувшаяся на спинку стула. Глаз она так и не открыла.

Первым среагировал Павел Васильевич.

– Тимофей Васильевич, дорогой, проходите. Мы о вас недавно вспоминали. Чай будете?

– Здравствуйте, – я на негнущихся ногах дошёл до свободного стула около стола и буквально упал на него. – Что произошло?

– Да моя супруга в гренадера поиграть захотела.

– Паша... – грозно зашипела Марфа.

– Шучу, любимая, чтобы настроение поднять, – Бутягин, лязгнув стеклом, опустил ложечку в стакан. – А если серьёзно, когда китайцы начали обстрел города, одна из их бомб старого образца, разбив стекло, влетела в палату к раненым. Машенька как-то умудрилась успеть вырвать фитиль, а потом схватила бомбу и, донеся её до коридора, бросила в стоящее там ведро с водой. Вот руки и обожгла.

«Ох... Вот это ж... Млять, да... – несколько секунд я пытался про себя изобразить что-то типа малого петровского загиба. – Как же она среагировать-то успела и, главное, так правильно! Ё... Хотя о чём я?! Марфа – Мария-Елизавета – в своё время на Александра II покушение готовила, значит, с бомбами имела дело. Как же ей сейчас больно-то! Горячее ядро руками...»

Я посмотрел в глаза Марфы и увидел расширенные зрачки и слёзы, готовые потечь в любой момент.

– Ничего, Тимофей Васильевич, всё перемелется и мука будет. Почти не больно уже. Пашенька хорошо раны обработал. Вот если бы граната взорвалась, было бы куда хуже, – Бутягина криво улыбнулась. – Нам одной, которая во дворе больницы рванула, хватило. Марию Аркадьевну зацепило и одного раненого, вышедшего подышать свежим воздухом, убило.

Беневская продолжала безучастно сидеть на стуле с закрытыми глазами.

– Ничего страшного, Тимофей Васильевич. Осколок кожу у мадемуазель Марии на лбу порвал. Я уже зашил рану. У Машеньки лучше бы получилось, но вот с руками у неё беда. А Мария Аркадьевна сейчас немного не в себе. От опиума отходит, – быстро протараторил Бутягин.

В этот момент девушка открыла глаза и как-то расфокусированно посмотрела на меня.

– Всё будет хорошо. Мне уже лучше. Просто я лежать не могу... Сразу тошнота подступает, после того как кровать качаться начинает, если глаза закроешь. А сидя я себя нормально чувствую, даже с закрытыми глазами. – Девушка вновь опустила веки.

Я посмотрел на супругов, и те глазами и мимикой постарались показать мне, что всё будет хорошо.

– Я могу чем-то помочь? – спросил Бутягиных.

– Тимофей Васильевич, если можно, достаньте мёда и облепихового масла для лечения ожогов. Я не могу покинуть больницу, чтобы сходить на рынок или в магазин. Да и не знаю, работают ли они, – смущённо попросил Павел Васильевич.

– Сделаю всё, что в моих силах.

Я посмотрел на Бутягину, которая, заметив мой вопрошающий взгляд, сделала знак руками и глазами, показывая мне на выход.

– Постараюсь через несколько часов принести.

С этими словами я вместе с Бутягиным вышел из комнаты. Едва закрылась дверь, Павел Васильевич обратился ко мне со словами:

– Тимофей Васильевич, не волнуйтесь. У Марии Аркадьевны всё будет хорошо. На фоне остаточного действия опиума и возможной контузии она пока неадекватно реагирует на окружающую обстановку и очень переживает по поводу того, какой у неё шрам останется. До вашего прихода она несколько раз произносила фразу «Как же Тимофей Васильевич увидит меня в таком виде?!».

– Ну, раз девушка думает о своей внешности, значит, действительно всё будет хорошо, – невесело усмехнулся я. – Вы её как-нибудь успокойте, Павел Васильевич. Она просто не понимает, что чудом осталась жива. Шрам на лбу – это такая мелочь...

– Сделаю всё, что в моих силах, да и Машенька поможет. Так что, надеюсь, всё будет хорошо. Но лучше пару дней вам не встречаться, чтобы не стать вредным раздражающим фактором. Ранение в голову, пусть и по касательной, может разные осложнения вызвать. Мозг человека пока самая неизученная часть его тела. Кстати, как вы сходили в разведку? – Бутягин с интересом посмотрел на меня.

– Сходили, Павел Васильевич. Два орудия захватили, в Верхнем Сахалине импань на роту солдат штурмом взяли и уничтожили потом в нем склады и всё, что можно взорвать и сжечь. Два казака и сотник Резунов погибли. Китайцев больше полусотни положили.

– Боже ты мой, Владимир Михайлович. Как же так-то?! – Бутягин истово перекрестился.

– Во время атаки пуля прямо в сердце попала. Война, что поделаешь. Все под Богом ходим.

Я также перекрестился и надел потом фуражку.

– Ладно, пойду я. Мне ещё отчет военному губернатору готовить. Сейчас денщика отправлю за медом и маслом. Он у меня мастер на все руки и проныра – в хорошем смысле этого слова. Думаю, через пару часов всё доставит.

* * *

– Мария Петровна, а он всегда такой бесцеремонный? – едва за мужчинами закрылась дверь, спросила девушка свою более старшую подругу. – Неужели не мог постучать, перед тем как войти!

– Мария Аркадьевна, это он просто переволновался за нас. До этого не помню, чтобы он переходил в общении какие-то границы. – Бутягина внимательно посмотрела на Бенеvскую и с улыбкой спросила: – Или у вас что-то произошло?

– Да нет, кажется, – ответила девушка и залилась румянцем. – Просто я не была готова встретиться с ним. Это ранение. Мой внешний вид. Боже мой...

– Машенька, позвольте, так назову вас сейчас. Поверьте, Тимофею Васильевичу было всё равно, как вы выглядите. Если бы вы сидели не с закрытыми глазами, то увидели, как он искренне был обеспокоен нашими ранениями, когда ворвался в комнату, и успокоился, узнав, что ничего страшного не произошло.

– Да, не произошло. Только вот теперь шрам будет, – Бенеvская шмыгнула носом.

– Машенька, не волнуйтесь. Зарастёт всё и следа не останется, – Бутягина улыбнулась. – А по шрамам – это к Тимофею Васильевичу. Вот уж у кого их много, и каких только нет.

– А вы откуда знаете? – в голосе девушки промелькнула ревность.

– Машенька, я к ним в станицу пришла восемнадцать лет назад, так что Тимофея ещё десятилетним пацанёнком помню, а его братьев – когда они на прутике верхом скакали. Почти все через мои руки прошли. Но Тимофей Васильевич всех обогнал.

Женщина посмотрела на девушку своими завораживающими черными глазами и, увидев искренний интерес, продолжила:

– Первый раз он ко мне попал, когда во время джигитовки с коня упал и на сук бедром напоролся, а тот в ране обломился. Это ему лет двенадцать было. Затем через два года в бою с хунхузами ему бок да правое плечо насквозь прострелили и по голове рубанули. Шрам, если присмотреться, под челкой виден.

– Мария Петровна, а как так получилось, что он в четырнадцать лет с хунхузами воевал?

– Понимаешь, Машенька, так иногда случается в жизни. Жила-была в Ермаковской пади недалеко от станицы Черняева большая семья Алениных. Афанасий Васильевич с супругой, трое их сыновей, жена старшего сына да внук с внучкой. – Бутягина тяжело вздохнула. – Сначала на службе в бою с хунхузами погиб младший сын дядьки Афанасия, потом среднего сына на охоте тигр задрал...

– Нам об этом Тимофей Васильевич рассказывал, – перебила рассказчицу девушка.

– Тогда что рассказывать. Остались в семье Алениных живыми двенадцатилетний Тимофей и его дед, которому уже шестьдесят лет минуло. Землю свою поднять они не могли, поэтому пошли работать пастухами. – Мария Петровна посмотрела на девушку влажными глазами. – Тебе, девочка, не понять, как это унижительно для них было. Ну, да не об этом речь. Если кратко, то банда хунхузов переправилась через Амур и хотела угнать станичный табун и косяк лошадей, которых пас Тимофей. Вот он и вступил в бой.

– И как? – из глаз Бенеvской ушла муть, и они горели любопытством.

– До сих пор, наверное, в станице удивляются, как мог четырнадцатилетний мальчишка убить двадцать одного бандита и живым остаться.

– Ой, господи... – девушка прикрыла ладонью рот.

– Потом он ко мне после драки с раненым плечом попал. Затем его китайские солдаты в спину подстрелили. Они тогда с Ромкой Селивёровым, что теперь хорунжим в четвертой сотне служит, корейского деда-лекаря с внучкой от неминуемой смерти спасли. Шрам от той пули у Тимофея в половину спины остался. А потом он собой цесаревича от пули закрыл. Только чудом он тогда живым остался и отметину на всю левую грудную мышцу получил. Дальше и не знаю. Разошлись тогда наши пути. Может, и ещё какие-нибудь отметины, зная его, получил, но я об этом не слышала. Может, поумнел, когда офицером стал, на рожон теперь не лезет, – Бутягина хмыкнула, недоверчиво покрутив головой.

В это время открылась дверь, и в комнату вернулся Бутягин с мрачным выражением лица.

– Паша, что случилось? – супруга напряжённо смотрела на лицо мужа.

– Сотник Резунов и двое казаков погибли во время разведки. Уже второй офицер за время осады. Завтра похороны.

Женщина и девушка взволнованно переглянулись.

* * *

Моё нахождение в резиденции губернатора, куда я направился после больницы, затянулось. Сначала подготовил отчёт по разведке и наградные листы. Грибский, пробежав глазами представления на награждение, отложил их в сторону, а ознакомившись с отчётом, направил меня к начальнику штаба Благовещенского отряда капитану Генерального штаба Самойлову.

Михаил Константинович был постарше меня на пять лет, на столько же раньше закончил академию и по выслуге должен был через пару месяцев получить подполковника. Из наград одним из немногих офицеров в Благовещенске имел ордена Станислава и Анны третьей степени.

До этого мы с ним пару раз пересекались, но длительно и по существу общаться как-то не приходилось. А теперь пришлось больше шести часов, и я понял, что представляет собой настоящий генштабист, и то, что мне до этого далеко, как до Пекина раком. Я хоть в том времени и дослужился до помощника начальника штаба по службе войск сто семьдесят седьмого отдельного отряда спецназа двадцать второй бригады, но по сути как был «группёром», то есть командиром группы или, можно сказать, взвода, если на общевойсковой манер, так им и остался. И здесь, в этом времени, пытался протащить именно тактику действия группы спецназа. А сегодня столкнулся с планированием операции на уровне дивизии или больше. В академии выполняли такие учебные задачи, но это учебные. Здесь же завтра или послезавтра за наши ошибки будут платить жизнями нижние чины и субалтерн-офицеры.

Как довёл до меня Михаил Константинович, военным губернатором Грибским принято решение нанести удар по Сахаляну и Айгуню с помощью войск, которые будут переправлены на правый берег Амура у станицы Верхнеблаговещенская. В боевой части отряда будут задействованы стрелки и артиллеристы отрядов полковников Фримана и Шверина, которые должны подойти в станицу сверху по реке завтра, девятнадцатого числа. И их прибытие должно остаться скрытым от китайского командования. На усиление и для разведки им будет придана третья сотня Амурского полка. Общее командование этой боевой частью войск будет осуществлять генерал-майор Суботич.

Таким образом, для атаки на Сахалян предполагалось задействовать по правому берегу пятнадцать рот, шестнадцать орудий и сотню казаков. Для их переправы было запланировано привлечь пароход с самоходной баржей, пятнадцать паромов, более пятидесяти лодок и двухсот гребцов. Две сотни амурцев и сотня нерчинцев под командованием полковника Печёнкина должны были самостоятельно переправиться на лошадях через реку вплавь и пройти по пути нашей разведки через плохо проходимую Безымянную падь, чтобы прикрыть правый фланг ударного отряда.

Для отвлечения внимания китайского командования планировалось демонстративно усилить артиллерией отряд полковника Фотенгауера на втором посту напротив Айгуни, а блиндированным пароходам имитировать высадку на противоположный берег напротив Благовещенска.

После захвата Сахаляна резервная часть войск под командованием генерал-майора Александра должна была переправиться на тот берег и принять участие в захвате Айгуни.

Всего планировалось в операции задействовать тридцать две роты стрелков, двадцать восемь орудий, шесть пароходов, восемь барж, почти под сотню различных плавсредств, на них более четырёх сотен гребцов-добровольцев из крестьян и казаков-отставников. И все их действия пришлось расписывать чуть ли не по минутам, учитывая все возможные варианты развития событий. Включая организацию спусков для переправы, сколько питьевой воды в бочках надо будет переправить в Сахалян, если вдруг колодцы поселения будут отравлены китайцами, сколько надо фуража и продуктов питания, хватит ли роты запасников, вооруженных винтовками Крнка, чтобы не допустить самовольной переправы жителей города на китайский берег для грабежа захваченного Сахаляна. И такое прочее, и такое прочее...

Если бы не помощь ещё трёх генштабистов подполковника барона фон Будберга и капитанов Запольского, Богданова, я бы сошёл с ума ещё в первый час общения с Самойловым, который буквально пытал меня по проходимости Безымянной, Солдатской, Утёсной и Маньчжурской падей. При этом капитан подробно наносил на карту овраги и затопленные участки местности, выявленные нами во время разведки.

Как бы там ни было, но к часу ночи девятнадцатого числа, через семь часов упорной работы, черновой вариант боевого приказа и плана действий войск по захвату Верхнего, Малого и Большого Сахальяна, а также Айгуня, был готов.

Лично меня он не очень удовлетворил. Мне, как исполняющему дела пограничного комиссара, отводилась роль помощника полковника Волковинского, на которого возложили осуществление непосредственного прикрытия города двумя ротами запасников и местной командой добровольцев, когда Благовещенский отряд под командованием военного губернатора уйдет на китайский берег. И я хотел это исправить. Правда, единственная часть, где отсутствовал офицер Генерального штаба и куда бы я мог попроситься, был отряд полковника Печёнкина.

«С генералом Грибским договорюсь, а с Иваном Николаевичем как-нибудь поладим. В его епархию командования полком и отрядом лезть не буду. Он бы мне братов с Ромкой выделил, мне больше и не надо. А ему разведку организую на высшем уровне. Всё! Утро вечера мудренее», – подумал я уже сквозь сон, развалившись на такой уютной кровати в доме Таралы.

Утром позволил себе потянуться и понежиться немного в постели. Также чуть больше, чем обычно, уделил времени утренним процедурам. Ополоснулся после зарядки в летнем душе рядом с баней. Его схему, бочка с водой над закрытой душевой кабиной, в дно емкости ввернута металлическая труба с краном и душевой сеткой, опробовали ещё семь лет назад, налаживая быт для цесаревича в диких и жарких летних условиях Дальнего Востока. Теперь многие жители Владивостока, Хабаровска, Благовещенска, да и станиц пользовались таким гигиеническим оборудованием в летнее время.

Вода в бочке за теплую ночь и утро нагрелась, но все равно было хорошо. Потом наслаждался, как отточенное лезвие бритвы снимает с моих щёк и шеи щетину. Брил Севастьяныч, как профессиональный брадобрей, заодно успел доложить, что масло и мёд он для госпожи Бутягиной доставил. Молва о том, как она спасла от взрыва больницу, в которой кроме нижних чинов лежали два офицера, включая подполковника, уже гуляет по городу, обрастая фантастическими подробностями.

«Надо будет Константину Николаевичу данное событие как-то так преподать, чтобы он Марфу властью военного губернатора какой-нибудь медалью наградил. Если бы та бомба взорвалась в палате, реально могло много человек погибнуть. Пускай Кольшмидт и Басов находились в другом помещении, но кто его знает, как бы рвануло и какие последствия были бы, – от этих мыслей у меня мурашки пошли по всему телу, особенно, когда представил изорванные взрывом тела двух Марий. – Не приведи господи такого. Что-то дурные мысли в голову полезли».

Одевшись в чистый и отглаженный мундир со всеми регалиями, отправился в резиденцию, где в очередной раз убедился, что жизнь – череда белых и черных полос. Моё, как я уже считал, место в полку Печёнкина час назад занял Генерального штаба подполковник Ладыженский, прибывший рано утром в Благовещенск. Сопливых вовремя целуют, однако. Эта новость абсолютно не прибавила мне настроения, как и последующие похороны погибших казаков и сотника Резунова.

В резиденцию после печальных событий и поминального обеда вернулся вместе с остальными офицерами-генштабистами около пяти вечера. Из-за сильнейшей жары военный совет Грибский устроил на балконе своего дома. На нем присутствовали три генерала – Грибский, Суботич и Александров, нас пятеро – генштабистов-разработчиков боевого приказа и плана, к которым добавился подполковник Ладыженский, начальник всей артиллерии полковник Севастьянов, отрядный инженер-полковник Шефер, полковник Печёнкин, председатель Войскового правления полковник Волковинский и исполняющий обязанности коменданта отряда войсковой старшина Сотников.

Капитан Самойлов зачитал боевой приказ, на карте объяснил порядок действий частей и подразделений. Уточнение деталей заняло ещё около часа, после чего участники совещания разошлись по своим местам – готовиться к переправе и бою, а кто-то – прикрывать эти действия.

В городе уже знали, что готовится нападение на Сахалин и Айгунь, но точные сроки и порядок боевых действий не были известны никому, кроме участников военного совета. Тем не менее большая группа жителей города решила направиться в станицу Верхнеблаговещенскую, правильно предположив, что из-за имеющихся там двух островов на середине реки это самое удобное место для переправы. Задействовав силы полиции и солдат запасного полка, пришлось данную экскурсию прекратить, а потом и перекрыть все дороги из города, что вызвало недовольство горожан.

Почти три недели под обстрелом и бомбами довели нервы обывателей до последней степени психологической напряжённости. Достаточно было какого-то пустяка, чтобы то здесь, то там в городе вспыхивали ссоры, драки. А здесь родные защитники не пускают посмотреть, как врага громить будут. Утихомирить горожан удалось только благодаря тому уважению, которым пользовался у населения полицмейстер Батаревич. Леонид Феофилактович нашёл нужные слова, чтобы успокоить горожан, заставить их разойтись и не мешать передвижениям войск.

Тем не менее в эту ночь мало кто спал в городе. Хотя ещё восемнадцатого числа ополчение и дружины были распущены, а выданное им оружие вернулось на войсковые склады, поздно вечером на берегу в окопах и ложементах собралось множество народу. Кто-то пришёл со своим личным оружием, но большинство – для того, чтобы наглядно убедиться в том, что сегодня ночью Сахалин падёт и осада с города будет окончательно снята.

Кто распустил такой слух, выяснить впоследствии так не удалось. Но из-за него, вместо того чтобы выспаться, раз уж в боевую и резервную части войск попасть не удалось, мне пришлось всю ночь провести на берегу, составив компанию полковнику Волковинскому и полицмейстеру Батаревичу. Тем также пришлось выгнать своих подчиненных в окопы для поддержания порядка на берегу.

Едва забрезжил рассвет, на китайском берегу на возвышенности Маньчжурской пади в нескольких верстах от Верхнего Сахалина раздалась частая ружейная стрельба, заставившая проснуться всех находившихся в окопах и ложементах и присоединиться к тем, кто не спал и наблюдал за вражеским берегом. Многие горожане начали вылезать из окопов, чтобы постараться рассмотреть, что же там такое происходит.

Буквально в это же время раздался пароходный гудок, и народ обратил своё внимание вниз по реке. Из устья Зеи в Амур входил «Сунгари», за ним следовали «Селенга», «Михаил» и «Гражданин». Едва пароходы вошли в Амур, как с того берега был открыт бешеный оружейный огонь, к которому скоро присоединилась и вражеская артиллерия. Народ, повывлезавший из окопов, быстро попрягал назад. Вскоре ответила наша артиллерия, а запасники и жители с остервенением стреляли по противоположному берегу из всего, что имели в своих руках как оружие.

Казалось, что оба берега вспухли облаками сгоревшего пороха, а между ними по водной глади в фонтанах разрывов шли четыре парохода, при этом блиндированные «Селенга» и «Сунгари» прикрывали своими корпусами два других парохода. Все четыре судна вели огонь из тех небольших орудий, которые удалось на них установить. Картина была фееричной и страшной.

По энергии и силе огня из китайских ложементов и окопов напротив Благовещенска можно было судить, что, несмотря на раннее утро, силы там сконцентрированы значительные.

– Господа, могу сказать, что задумка Константина Николаевича удалась. Судя по тому, как ведут себя китайцы, они даже не предполагают, что наши основные силы уже заходят к ним в тыл и во фланг, – произнёс полковник Волковинский, опуская на грудь бинокль. – Лишь бы

Деан Иванович теперь не подвёл. А речники молодцы! Под каким огнём идут и не сворачивают! Герои!

«Да уж, не хотелось бы мне быть на их месте, – подумал я, глядя, через какой ливень ружейного свинца продвигаются пароходы. – Хорошо хоть, из бомб и гранат им вроде бы ничего до сих пор не прилетело».

Между тем пароходы, пусть медленно, но верно прошли мимо городской набережной и двинулись дальше вверх по реке. Огонь с обеих сторон постепенно затухал.

Я достал часы, открыл крышку и посмотрел на стрелки: «Однако! Больше двух часов пролетело, пока пароходы вышли из устья и скрылись за изгибом реки. Десяти вёрст не будет, а как, оказывается, они долго шли. Хотя показалось, что и полчаса не прошло. В бою всегда так, либо время тянется невыразимо долго, либо пролетает так быстро, что не понимаешь, что же ты делал все эти минуты или часы».

– Господа, что происходит?! – отвлёк меня от мыслей Батаревич.

Я посмотрел в ту сторону, куда был направлен взгляд полицмейстера, и увидел, как у складских магазинов на Артиллерийской улице выстраиваются в одну линию восемь четырёхфунтовок и с той же стороны к окопам в рассыпном строю устремилось не меньше роты стрелков. А между домами Поповской улицы показалась ещё одна ротная колонна бойцов, выдвигающаяся к набережной. Несколько минут, и все восемь орудий одновременно рявкнули, а через несколько мгновений над китайским берегом в воздухе хлопнули разрывы шрапнели. Небольшая пауза, и снова дружный залп орудий, и новые разрывы шрапнели.

– Что происходит?! – ещё раз спросил глава городской полиции.

– Думаю, его превосходительство генерал-майор Александров решил имитировать подготовку к переправе на противоположный берег от Благовещенска, чтобы отвлечь внимание от действий боевой части нашего отряда, – ответил полковник Волковинский. – Или случилось что-то такое, о чём мы не знаем.

Подтверждая слова полковника, сверху реки раздался гудок парохода, и вскоре из-за изгиба реки появилась «Селенга», шедшая теперь вниз по фарватеру сквозь свинцовый дождь и фонтаны воды от разрывов бомб и гранат. Канонада и ружейный обстрел с обеих сторон вновь усилились. Вскоре наши артиллеристы из-за плотного обстрела китайцев были вынуждены отвезти свои орудия на тюремную гору, откуда был лучше вид на вражеский берег, а также было сложено для просушки большое количество брёвен, из которых быстро возвели укрытия для пушечных расчётов. Буквально через полчаса наши пушки вновь открыли огонь, чередуя шрапнель и гранаты. Стрелки, заполнившие окопы, также вели интенсивный огонь по противоположному берегу.

Пароход между тем прошел мимо набережной и скрылся в устье Зеи. Стрельба вновь стихла. Лишь периодически раздавались залпы батарей с тюремной горы. Остальные орудия и с той, и с нашей стороны молчали. Ружейная стрельба также смолкла.

– Господин полковник, разрешите, я схожу до резиденции губернатора и узнаю последние новости? – обратился я к Волковинскому, рассматривавшему китайский берег через бинокль.

– Ох, Тимофей Васильевич, сходите, друг мой. Непременно сходите. А то скоро полдень, а мы даже не знаем, что там с переправой. Как дела у Деана Ивановича обстоят? – быстро проговорил Батаревич.

– Вы правы, Леонид Феофилактович, по разработанному плану подразделения боевой части под командованием генерала Суботича уже должны были занимать Сахалин, а как мы видим, никакого движения нет. Это начинает меня беспокоить, – полковник развернулся ко мне, – поэтому сходите, Тимофей Васильевич. А то неизвестность, как говорил Дюма-отец устами своего героя графа Монте-Кристо, хуже всех казней в мире. И не задерживайтесь с новостями.

Признаться, мне повезло, так как первым, кого я встретил в доме губернатора, оказался капитан Самойлов, который, заведя меня в свой кабинет, в присутствии капитана Богданова сообщил мне текущую обстановку и то, что уже произошло.

Как и предполагалось, план был хорош на бумаге, хотя и про болота да овраги мы также не забыли, и прогноз погоды местной метеостанции был благоприятным, но именно что прогноз. Неожиданно сильный южный ветер погнал после полуночи по Амуру большую волну. В результате сто охотников-добровольцев из стрелков Второго Восточно-Сибирского линейного батальона под командованием капитана Запольского переправились вовремя и оседлали высотку в начале Маньчжурской пади. А вот три сотни казаков под командованием полковника Печёнкина смогли начать переправу на два часа позже, только после того, как ветер стих и опала волна. Соответственно, на эти два часа сдвинулся весь график переправы. Из-за этого запланированное демонстративное прохождение пароходов мимо Благовещенска закончилось тем, что кроме парохода «Аргунь» и самоходной баржи «Калифорния» в переброске войск пришлось срочно задействовать подошедшие пароходы «Сунгари», «Михаил» и «Гражданин». Так что переправа по срокам полностью провалилась.

Кроме погодных условий, как всегда негативно сработал и человеческий фактор. Один из самодельных паромов слепили тят-ляп, и он развалился посередине реки. Как результат, утонули поручик Равич-Пиглевский и двое стрелков. Плюс к этому суматоха по спасению оказавшихся в воде людей, утопленное оружие, боеприпасы и снаряжение.

Тем не менее, по словам Михаила Константиновича, на настоящий момент, пусть и со значительным опозданием, план захвата вражеских поселков напротив Благовещенска начал претворяться в жизнь. Все намеченные подразделения переправлены на правый берег, вышли к намеченным позициям и приступили к планомерному наступлению на Верхний и Большой Сахалин.

По данным с наблюдательного поста из дома Шадрина было установлено, что час назад китайцы стали формировать большой отряд пехоты с артиллерией, чтобы ударить навстречу нашим войскам,двигающимся по Маньчжурской пади.

Пришлось срочно задействовать батареи из резерва генерал-майора Александрова для нанесения артиллерийского удара по противнику. Это было то, что мы наблюдали.

– Ваше высокоблагородие, разрешите войти, – прервал рассказ Самойлова младший унтер, вошедший в кабинет и протягивающий капитану сложенный лист бумаги. – Вам срочное сообщение.

Взяв листок в руки, Самойлов развернул его и быстро пробежал глазами написанное.

– Ура, господа, с наблюдательного пункта сообщают, что противник бежит в сопки из Верхнего Сахалина, а также начал отводить войска из самого Сахалина и пригорода в сторону Айгуня. Настало время действовать подразделениям резерва генерал-майора Александрова, – Михаил Константинович довольно, как кот, объевшийся сметаны, улыбнулся. – Я к его превосходительству с докладом.

Глава 3. Будни

О том, что Сахалин взят, жители Благовещенска узнали раньше, чем разведка отряда генерала Суботича. Передовые конные разъезды казаков ещё только входили в горящий во многих местах Сахалин, а на набережной Благовещенска уже всюду шло ликование и празднование народа по поводу освобождения от осады. Кроме наблюдательного пункта у купца Шадрина, откуда информация шла в штаб, многие жители самостоятельно с крыш домов, с недостроенного собора наблюдали за противоположным берегом. От них и пришла информация, что китайцы оставляют город.

В три часа пополудни началась переправа войск резерва генерала Александрова, которые не встретили никакого противодействия со стороны противника. Бóльшей проблемой, чем огонь противника, стали благовещенцы, пожелавшие лично посетить Сахалин. Пришлось задействовать войска. Хорошо, что к этому времени в город пришёл ещё батальон стрелков-забайкальцев. Их и привлекли к этим мероприятиям по наведению порядка на переправе.

Когда вечерние сумерки окутали реку и город, переправа войск закончилась. На набережной впервые за девятнадцать дней люди просто гуляли. Как по волшебству, вновь появились продавцы вразнос, в городе открылись магазины, трактиры, рестораны. Благовещенск оживал на глазах, будто бы и не было осады, артиллерийских и ружейных обстрелов. Не было ужаса, страха и смертей.

Закончив дела пограничного комиссара в резиденции губернатора, подумал, что надо посетить больницу или дом Касьянова, где можно было бы увидеться с Бутягиными и Машенькой, но мой внешний вид после бессонной ночи в окопах и суматошного дня в пыли оставлял желать лучшего. К тому же хотелось есть, точнее жрать, сильно хотелось и спать. Поэтому двинулся домой к Тарале.

Сегодня мне повезло. Арсений был дома, вернувшись из своей поездки в Зазейский клин. Прибыл он ещё в обед, и баня была уже протоплена, а ужин готов, чем я немедленно воспользовался.

– Рассказывай, где был, чем занимался? – насытившись, попросил я Таралу, откидываясь на спинку стула и вертя в руках рюмку с моим любимым ликёром.

– По договорённости с военным губернатором по Зазейскому клину в китайских поселениях бесхозный скот собирал да на солонину переводил. Чем-то кормить войска надо. А у нас основным поставщиком мяса китайцы были. И где они теперь?

Арсений закурил сигару и продолжил:

– А из Забайкалья стрелков пришло поболее четырех тысяч, да и наших достаточно. Всех кормить надо. Наш дом на поставках в войска не специализируется, но генерал Грибский попросил меня лично помочь, вот и пришлось вертеться как уж на сковородке.

– И как успехи? – поинтересовался я.

– Хотелось бы большего, но кое-что собрали и переработали, – Арсений пыхнул сигарой. – Представляешь, Тимофей, многие коровы, уведенные хозяевами на тот берег, самостоятельно вернулись обратно на старые пастбища. Если бы сам не видел, как они переплывают Амур, не поверил бы. Вот они да те, которых не успели прибрать к рукам казаки с поселенцами, и стали в основном нашей добычей. Почти две тысячи пудов солонины из говядины за неделю заготовили.

Я, сделав небольшой глоток ликёра, представил, как сбегавшие от хозяев коровы стадом несутся к реке и глиссерами через неё переправляются. От этих мыслей чуть не рассмеялся.

– И чему мы так улыбаемся? – с деланным еврейским акцентом, но несколько обиженно поинтересовался мой друг.

Я рассказал о своих мыслях, заменив глассер буруном воды, возникающим у носа быстро идущего корабля, и мы оба расхохотались. Когда успокоились, Арсений продолжил:

– Тимофей, заготовка мяса – дело, конечно, нужное, но я тебе хотел поведать о другом. От своих старых знакомых с того берега мне стало известно следующее, – Тарала сделал паузу, как бы собираясь с мыслями. – Оказывается, что всем жителям-китайцам Зазейского клина ещё месяц назад айгуньским амбанем было отдано распоряжение покинуть свои селения и перейти на китайский берег. При этом все мужчины призывного возраста должны были вступить в войска генерала Чжана. И ни одно семейство не ослушалось. Ушли все. А те, с кем столкнулись казаки и переселенцы при зачистке китайских поселений на нашем берегу, были пришедшие с того берега хунхузы и ихэтуани. Вот такие дела.

Я поставил рюмку на стол и задумался над полученной информацией. Признаться, удивлён я не был, так как в докладах от атаманов станиц, осуществлявших зачистку китайских манз, не упоминалось о женщинах, стариках и детях, только о мужчинах. Но тогда я не обратил на это внимания, а сейчас, после слов купца, всё становилось ясным.

Мои мысли прервал Арсений:

– Ты бы довёл эту информацию до военного губернатора. Думаю, Константину Николаевичу она пригодится, а то на него всех собак спустили.

– В смысле? – я удивлённо посмотрел на Таралу.

– Как мне сказали, в зарубежной прессе против его превосходительства целую кампанию организовали из-за того насильственного выдворения китайцев на тот берег, когда их свои же перебили. Массовым убийцей Константина Николаевича называют. Говорят, генерал-губернатор Гродеков из-за этих публикаций приказал провести по этому случаю расследование. А всё те два английских журналиста виноваты, приехавшие в город через два дня после тех событий. Как только добраться смогли. И главное, как вовремя.

«Это точно, вовремя. Будто бы знали, что и осада будет, и мы будем вынуждены что-то делать с теми, кого называли в моём времени пятой колонной, – раздражённо подумал я. – И официально с ними ничего не сделать было. А самое главное – и сообщить некому! Когда семь лет назад наследник был наместником Дальнего Востока, при полицейской школе Чернова в Хабаровске набрали на курсы небольшую группу вольноопределяющихся, которых обучали выявлять шпионов, террористов, контрабандистов, создавать свою разведсеть на территории других государств. В общем, готовили и разведчиков, и контрразведчиков в одном флаконе. Только этот опыт закончился очередным пшиком. Уехал наследник, а курсантов по окончании программы занятий распределили в полицию и в отдельный корпус жандармов. И на первом выпуске – всё! Ну, отправил Батаревич по своему ведомству телеграмму по этим журналистам, а я – главному и “страшному” жандарму Дальнего Востока Савельеву. А толку-то?! Как таковой контрразведки в Российской империи как не было, так и нет».

– Я сообщу, Арсений. Большое спасибо за информацию, – поблагодарил я своего друга.

– Константин Николаевич очень хороший администратор. Не хотелось бы, чтобы его сняли. Он за три года очень много сделал для развития Амурской области.

– Не думаю, что это случится. Его превосходительство, пусть и с помощью местного китайского правителя, сделал то, что не удавалось никому из губернаторов за сорок два года с момента подписания Айгуньского договора.

Тарала недоуменно посмотрел на меня.

– Арсений, и что ты таки на меня смотришь? – теперь уже я подпустил еврейский акцент. – Вы шо, с мозгами поссорились? А я вам имею кое-что сказать.

– И чито? – усмехнулся купец.

– В Зазейском клине не осталось ни одного представителя империи Цин из почти сорока тысяч. И, думаю, больше и не будет. А это большое достижение в области внешней политики.

Тарала задумался, а потом улыбнулся и произнёс:

– Тимофей, умеешь ты всё с ног на голову поставить. С этой точки зрения его превосходительство награждать надо.

– Думаю, его императорское величество правильно оценит этот факт. А я спать. На ногах почти двое суток.

В шесть утра подъем, быстро размялся, водные процедуры, бритвё от Севастьяныча и новости от него же. С той стороны каких-либо известий пока не было, поэтому вся информация денщика была про дела в городе, быстро оживавшем после осады. После завтрака в одиночестве – Арсений отсыпался после своей недельной работы в Зазейском клине – отправился в больницу. Решил, что сначала встречу с Бутягиными и Машенькой и только после этого пойду в резиденцию губернатора, где временно обосновались полковник Волковинский и войсковой старшина Сотников.

Шёл в больницу и думал о том, что ситуация с моей командировкой в Благовещенск к генералу Грибскому складывается не очень удачно для моих замыслов. Планировал во время похода в Китай продвинуть тактику групп спецназа, а вместо этого оказался на должности пограничного комиссара.

«Нет, если быть объективным, то в Таку и Тяньцзине удалось засветиться. Адмирал Алексеев обещал отправить Александру III положительный отзыв по ручным пулемётам, да и выкупил их, – думал я, автоматически выбирая, куда поставить ногу на разбитой телегами дороге, местами покрытой коровьими минами-лепёшками. – Здесь также удачно сходил в разведку. Знамена и два орудия приволокли, и вновь пулемёты отметились в захвате импаня. Только теперь где пулемёты – и где я?! И что сделать в такой ситуации, пока не придумал. Нелегкая доля у рационализаторов, особенно в армии».

Дальше мысли свернули к тому, насколько тяжело спецназ рождался и после победы Октября. Первыми советскими спецназовцами-диверсантами, если не учитывать некоторые подразделения частей особого назначения – ЧОНа с одна тысяча девятнадцатого по двадцать пятый год, стали советские диверсанты из системы подготовки к партизанской войне. Эту систему развернули в Советском Союзе с конца двадцатых годов двадцатого столетия и по линии НКВД, и по линии Разведупра, тогдашней военной разведки Красной армии. На территории Украины, Белоруссии формировались диверсионно-разведывательные группы от двух до двадцати человек, партизанские отряды от двадцати до пятисот человек. Под них создавались базы с продовольствием, оружием. Люди проходили специальную подготовку.

Но в середине тридцатых годов в Советском Союзе изменилась военная доктрина. Возникла новая концепция, которая стала выражаться лозунгом «Мы будем бить врага на его территории!», и все схроны, базы, конспиративные сети – всё это было ликвидировано. Из библиотек воинских частей была изъята литература по партизанско-диверсионной тематике, так как там всюду фигурировали фамилии Берзина, Якира и других «разоблачённых врагов народа», которые занимались «подготовкой банд и закладкой для них оружия». Тогда же ушло в небытие словосочетание «советский диверсант». В живых из них остались только те, кто воевал в Испании.

Великая Отечественная война показала ошибочность данного решения. Всё, что было разрушено, пришлось восстанавливать в режиме цейтнота. Сколько народа тогда погибло при массовых забросках во вражеский тыл диверсионных групп – трудно представить. Принцип был «кто-то да выживет». Как семена одуванчика раскрывались в темном небе парашюты вновь возрожденных советских диверсантов. Плохенькие документы, несколько выученных самых ходовых фраз по-немецки, никакого знания оперативной обстановки на месте, в лучшем случае – пара позывных действующих в районе партизанских отрядов, либо паролей явок подпольщиков в городах и селах. Немецкие ягдкоманды и фельджандармерия ловила таких сотнями, а точнее – тысячами. Удавалось убить хоть одного немца каждому третьему, совершить диверсию, может быть, каждому десятому, выжить – далеко не каждому сотому. Ценную инфор-

мацию в штаб смогли передать единицы, о которых потом писали книги и снимали фильмы. Большинство же стали жертвами на алтаре будущей Великой Победы.

Война закончилась. За её годы в Советском Союзе образовалась прослойка специалистов, прошедших горнило партизанско-диверсионной войны, к ним можно было также отнести профессионалов из армейской фронтовой разведки, СМЕРШа. Все они могли бы стать основой войск специального назначения, но в Советской армии спецназ всегда был на положении изгоев. Более того, дальнейшая история показала, что иметь дело со спецназом просто опасно для жизни.

В конце сороковых разгромили СМЕРШ, уволив, посадив и расстреляв его костяк. Почему? Всё очень просто! Власти не нужны были в стране бойцы, выжившие в десятках тысяч жестоких схваток с абверовцами, эсэсовцами, бандеровцами и прочими врагами. Они были просто опасны для неё – люди, умеющие решать проблемы в жизни путем применения оружия, привыкшие сами решать, кто враг, а кто нет, и применять против него оружие по своему усмотрению.

Потом уже Хрущев за попытки создать войска специального назначения сместил своего спасителя Жукова. А вдруг Георгий Константинович готовит государственный переворот?! Для чего ему нужны люди, владеющие навыками боев в городах, штурма зданий, совершения диверсий и ведения партизанской войны?

В результате бесценный опыт Великой Отечественной постепенно забывался. Военные советники, познакомившиеся с современной партизанской войной во Вьетнаме и по прибытии на Родину предлагающие в корне поменять систему подготовки, выживались из армии. В училищах учили раскрашивать карты десятками ядерных ударов, водить дивизии через зоны заражения и создавали роты глубинной разведки, готовящиеся по одной, очень узкой специализации – поиску и уничтожению мобильных ракетных установок противника в Западной Европе.

У американцев было не лучше. Для них откровением стал Вьетнам, одна из первых войн нового поколения, сочетающих в себе черты классической и партизанской войн. Война с неуловимым, не желающим сражаться на невыгодных для себя условиях противником, не держащимся за местность, не носящим военную форму, применяющим методы саботажа и диверсий.

Классические подразделения полк, дивизия, бригада не могли справиться с таким противником, поэтому инициативные командиры на местах создавали нештатные штурмовые отряды, отряды глубинной разведки. Так в американской армии были созданы спецподразделения «Альфа», «Блэкджек», «Дельта», «Сигма». За этим за всем наблюдали советские военные советники в Ханое. Докладывали наверх, но всё как об стенку горох.

В Советском Союзе прозрение так и не наступило до афганской войны. К ней мы пришли с ротами глубинной разведки, которые называли охотниками за Першингами, и КУОС, то есть курсами усовершенствования офицерского состава. На них офицеры проходили кратковременную подготовку по специальности «командир партизанского отряда», после чего возвращались на свое место службы. Каждый подготовленный по этой программе человек должен был в особый период стать командиром диверсионной группы, партизанского отряда, если территорию СССР вдруг частично оккупируют.

Потом в составе КГБ СССР появились группы «Альфа» и «Вымпел». О кадровом голоде и неготовности к созданию войск специального назначения на тот момент говорит хотя бы тот факт, что первым командиром «Альфы» был назначен майор Бубенин, получивший звание Героя Советского Союза за бои на Даманском и не имевший никакой подготовки, кроме общевоинской. Как читал в инете, группа формировалась в составе седьмого управления КГБ СССР, поэтому в первом составе было много топунов из наружки. Вот такие специалисты-диверсанты. Три раза ха-ха.

Поражает и то, как тренировалась «Альфа», какая у нее была материальная база. Учиться было не у кого – всё приходилось постигать самим. Что-то закупалось за рубежом из снаряже-

ния, что-то делали самостоятельно. Не было даже собственного стрельбища! Ребята ездили по стрельбищам внутренних войск и армии, договаривались, чтобы пустили пострелять.

Самим до многого пришлось доходить спецназовцам и в Афганистане. Это я уже видел своими глазами. Ракетных комплексов там не было, а были неуловимые ватаги боевиков, были кишлаки и дувалы, были засады на дорогах, караваны, идущие из Пакистана и несущие смерть. До всего доходили сами, но солдат смекалист, особенно если захочешь жить.

«Что-то меня сегодня на воспоминания пробило. Давно уже такого не было. Как-то я вжился в новое тело и в новое или старое время. Кто бы мог подумать, что по утрам меня будет денщик брить. Вот такие дела, товарищ гвардии подполковник Аленин, – я усмехнулся, толкнул входную дверь и уже было вошёл в больницу, но был остановлен еле слышными оружейными залпами. – Кажется, началось. А я здесь!»

Мои сомнения, пройти в больницу или бежать в резиденцию, прервало появление в начале улицы Бутягина. Павел Васильевич быстрым шагом шёл в моём направлении.

– Доброе утро, Тимофей Васильевич, – поприветствовал меня титулярный советник, подходя к крыльцу больницы.

– И вам доброго утра. Как дела у супруги и Марии Аркадьевны?

– Тьфу-тьфу-тьфу, чтобы не сглазить. Пока заживление у обеих идёт хорошо, без воспалений и нагноений. Спасибо вашему мёду и облепиховому маслу. С утра сделал им перевязки и бегом сюда, – Бутягин поднялся на крыльцо и подал мне руку, которую я с удовольствием пожал.

– Не стоит благодарностей, Павел Васильевич. Всем, чем могу, готов помочь.

– Это кстати. У меня есть к вам просьба. Давайте пройдем внутрь.

Пройдя в комнату для отдыха персонала, медик продолжил прерванный разговор.

– Тимофей Васильевич, я знаю о ваших хороших отношениях с генералом Грибским. Не могли бы ещё раз перед ним походатайствовать, чтобы меня теперь определили в главный перевязочный пункт отряда к статскому советнику Леонову?

– Зачем вам это? В Благовещенске достаточное количество раненых для применения пенициллина. Больница Красного Креста на очень хорошем счету у горожан и командования. Всех тяжёлых раненых сносили к вам. Насколько мне известно, все они идут на поправку без осложнений, – я сделал небольшую паузу, подыскивая нужные аргументы, чтобы отговорить Бутягина от новой авантюры. – Думаю, что после сегодняшнего штурма Айгуня всех раненых перевезут в Благовещенск. Вот вам дальнейшее поле для работы и испытания лекарства. Зачем вам в отряд? Он пойдёт дальше в Китай. Условия похода будут очень тяжёлыми, я бы сказал – ужасными. И есть большой риск погибнуть! Даже здесь Мария Петровна и Мария Аркадьевна были ранены. О них подумайте!

– Мы вчера всё обдумали и обсудили. Да, Тимофей Васильевич, я забыл вам сообщить, что отряд генерала Ренненкампа догнал пароход, на котором плывёт партия пенициллина. Вчера пришла телеграмма. Поэтому супруга и Мария Аркадьевна остаются здесь, я же хотел бы отправиться с отрядом. Кроме пенициллина, хотелось бы отработать на практике вашу теорию «золотого часа» и сортировки раненых. Помните, вы рассказывали об этом в поезде, когда мы направлялись в Хабаровск?

«Охреть и не встать! И дёрнул меня черт за язык поведать об этом. Совсем бдительность потерял. Ладно хоть, на свой опыт оказания помощи раненым ссылался, когда гоняли хунхузов здесь пять лет назад», – подумал я про себя, судорожно прикидывая, что же такого наплести Бутягину, чтобы он отказался от своих планов. Не дай бог, что с ним случится. Марфа одна не потянет испытания и производство пенициллина, или того, что они изобрели. А препарат-то эффективный, судя по всему.

– Павел Васильевич, я даже не знаю, что вам сказать, чтобы вы отказались от своих планов сопровождать отряд в рейде по Китаю. Считаю, что риск не оправдан...

– И почему же, Тимофей Васильевич? – услышал я звонкий голос Марфы за своей спиной.

Резко развернувшись на табурете, я увидел стоящих в дверях двух Марий.

– Машенька, я просил же сегодня тебя вместе с Марией Аркадьевной не приходить в больницу, – вскочил на ноги Бутягин, а я вслед за ним.

– Дорогой, мы услышали канонаду и решили прийти. Вдруг привезут раненых, тогда чем сможем, тем и поможем, – Марфа поправила забинтованной ладонью упавший на лоб локон волос. – И почему же, Тимофей Васильевич, вы против того, чтобы Павел Васильевич сопровождал отряд русских войск в рейде на Мерген и дальше?

«У нас что, о планах командования знают все кому не лень? Вот это секретность!» – подумал я, а Бутягина между тем продолжила:

– Я никогда не поверю, что вы смиритесь с должностью пограничного комиссара. Наверняка уже думаете, каким образом присоединиться к отряду? Почему же вы отказываете в этом Павлу Васильевичу? Он действительно сможет спасти жизни многим!

Я растерянно смотрел на двух Марий. Одна, заканчивая фразу, пылала каким-то гневом справедливости, вторая мило запунцовела, что было очень заметно на фоне белого бинта на лбу.

– Мария Петровна, я даже не знаю, что сказать! Действительно, не знаю. Просто считаю, что тому риску, которому хочет подвергнуть себя Павел Васильевич, не место в сложившейся ситуации. Вам для испытаний лекарства хватит раненых и в Благовещенске, – промямлил я.

– А сами вы хотите присоединиться к отряду? Так?! – грозно продолжила Марфа. – Для себя вы это риском не считаете?

Я виновато посмотрел на женщин и произнёс:

– Так, Мария Петровна. Но таких, как я, много. А вот вы и ваш муж изобрели лекарство, которое может спасти миллионы жизней. Поэтому ему и вам не место в боевом походе.

– А мне? – спросила и покраснела ещё больше Машенька.

– Мария Аркадьевна, вам руки целовать надо за то, что вы, дочь генерала, за простыми солдатами, извините, горшки выносили. Но в боевой поход?! Нет! Там вам не место! Женщинам вообще не место на войне, – выпалил я и, кажется, покраснел, чуть ли не впервые в жизни.

– Таких, как вы, Тимофей Васильевич, очень мало. Вряд ли найдется в истории ещё один казак, который достиг таких высот к вашим годам. Да и... – Марфа оборвала себя, но многозначительно посмотрела на меня. – Что вы надумали? Рассказывайте.

– Больше надеюсь, что смогу договориться с генералом Ренненкампом. Про него, говорят, Драгомиров сказал: «Ну, этого затереть не смогут. Из него выйдет большой полководец. Люди, подобные ему, оцениваются только во время войны». Думаю, именно ему поручат возглавить рейд отряда, – я обвел глазами окружающих. – Попробую его уговорить на своё нахождение в войсках.

– Обо мне не забудьте, – утвердительно произнёс Бутягин.

Ещё пять минут переговоров привели к тому, что я был вынужден дать слово титулярному советнику походатайствовать ещё и перед Павлом Карловичем о его включении в лазарет или перевязочный пункт отряда. Потом супруги Бутягины покинули комнату, уйдя на обход больных, и я остался наедине с Машенькой первый раз за девятнадцать дней осады города.

– Мария Аркадьевна, как вы себя чувствуете? – не зная, что сказать, ляпнул я.

– А вы это хотели спросить, Тимофей Васильевич? – покраснев, вопросом на вопрос ответила Бенеvская.

– Если честно, то нет.

«Да что я мямлю, как институтка, – подумал я про себя. – Если взять обе жизни, то мне уже за шестьдесят, а веду себя хуже юнца шестнадцатилетнего».

– Я хотел спросить, почему вы избегаете меня после тех событий и моих слов в храме? Я готов повторить, что люблю вас, Машенька! – выпалил я.

Беневская запылала маковым цветом.

– Тимофей Васильевич, – девушка сделала паузу, её щёки просто горели. – Тимофей! Я пока не разобралась в своих чувствах. Я не знаю, что вам сказать.

– Обычно говорят, давай останемся друзьями, – мрачно произнёс я.

– Нет, Тимофей! Это не так! Просто вы сильно торопитесь, – опустив глаза, тихо произнесла Машенька. – Я хотела бы, чтобы вы стали для меня больше, чем друг.

Я смотрел на смущённую девушку с опущенной головой, и мне хотелось сжать её в своих объятиях, покрывая это милое лицо поцелуями. Сдержался, признаться, чудом.

– Машенька, я не знаю, получится у меня или нет, но, возможно, завтра я уйду в рейд, и когда он закончится, никто не скажет. Я могу писать вам письма?

– Буду очень рада получать их. Только я для себя решила, что ещё где-то с пару недель пробуду в Благовещенске, а потом вернусь во Владивосток. Думаю, родители будут не против моего желания поступить в этом году в Женский медицинский институт в Санкт-Петербурге. Поэтому даже не знаю, куда вы будете писать, – не поднимая глаз, тихо ответила девушка.

– Машенька, если вы не против, я буду писать на адрес ваших родителей, а они перешлют куда надо. Кстати, сегодня же отправлю телеграмму своему управляющему в имение под Гатчиной. Оно полностью в вашем распоряжении в любое время.

– Так вы поддерживаете моё решение поступать в медицинский институт? – подняв голову, с каким-то удивлением спросила Беневская.

– Поддерживаю. Полностью поддерживаю. Когда ты ранен или болен, то всё равно, кто оказывает тебе помощь, мужчина или женщина. Мария Петровна меня два раза с того света вытащила. И поэтому я буду рад, когда в Российской империи через пять лет появится ещё один хороший и дипломированный врач, – я сделал шаг к девушке.

– А папá против. Говорит, что это девичья блажь.

– Я думаю, что вы найдёте слова, чтобы изменить его мнение. А теперь извините, но мне пора на службу. Надеюсь, что ещё увижу вас сегодня, – с этими словами я взял руку девушки и припал к ней губами.

Поцелуй затянулся до неприличия, так как я не мог оторваться, наслаждаясь запахом, исходящим от тыльной стороны ладони Машеньки. Пахло какими-то травами и свежестью. Наконец отпустив руку, я принял стойку смиренно, резко кивнул и щелкнул каблуками, после чего, развернувшись, направился к вешалке, чтобы взять фуражку и шашку.

– Тимофей... – услышал я за своей спиной и резко развернулся.

Мария сделала несколько быстрых шагов ко мне, обняла за шею и ткнулась сжатыми губами в мои губы. Я быстро исправил положение, обняв её и начав нежно целовать щёки, закрытые глаза, кончик носа, губы, так и не разжавшиеся, вдыхая одуряющий запах её волос.

– Всё, всё, Тимофей, хватит.

Руки девушки уперлись в мою грудь, и я был вынужден разжать свои объятия.

Отступив на шаг назад, Машенька задыхающимся голосом тихо произнесла:

– Я буду ждать ваших писем, Тимофей, и берегите себя.

Надев фуражку и накинув португепю с шашкой, я, улыбаясь, посмотрел на Беневскую.

– Всё будет хорошо, Машенька. Я вам обязательно напишу. И на сегодня не прощаюсь.

Покинув больницу, шёл и думал о том, что нам, мужчинам, никогда не понять женщин. То «я не разобралась в своих чувствах», то на шею вешается и «береги себя». Вспомнился анекдот из прошлой – будущей жизни.

Поймал олигарх золотую рыбку, а та ему:

– Загадывай любое желание.

– Даже и не знаю, чего загадать.

- Хочешь миллиард евро на счёт?
 - У меня уже к пятому десятку приближается.
 - Хочешь дом-дворец?
 - Да у меня их несколько. Слушай, рыбка, а можешь от Рублевки до моего дома на Канарах шоссе проложить? А то я плавать на кораблях и на самолётах летать не люблю. Укачивает.
 - Слушай, ну ты соизмеряй желания и мои возможности. Где Рублёвка и где Канары?!
 - Тогда сделай так, чтобы я женщин понимал.
 - Тебе двух- или трехполосное шоссе сделать? – ответила золотая рыбка.
- «Ладно, будем решать проблемы по мере их поступления», – думал я, шагая к резиденции военного губернатора. Надо встретиться с войсковым старшиной Сотниковым. Он сейчас исполняет в городе по приказу Грибского обязанности дежурного генерала и коменданта отряда. Может быть, какие-то новости с того берега появились.

Глава 4. Колушанские высоты

Первые сведения пришли только после обеда, когда в Благовещенск с того берега парходом «Сунгари» привезли тяжелораненых и убитых казаков Амурского полка. Среди убитых офицеров оказался сотник Волков, а среди раненых – командир пятой сотни есаул Плотников. Василий Иванович и рассказал о последних событиях, начиная со вчерашней переправы через Амур.

Около его постели в больнице Красного Креста, после того как Бутягин оказал есаулу медицинскую помощь, собралось множество народа. На почётном месте, сидя на кровати больного, оказалась жена Плотникова Августа Николаевна, нервно вцепившаяся в его руку. Остальной народ расположился вокруг.

Начал Василий Иванович с того, что многим было уже известно. Но никто не перебивал рассказчика, внимательно слушая. Я же ждал, когда офицер приступит к повествованию о сегодняшних событиях, встрепнулся, только когда услышал, что при прохождении к Сахалину через Маньчжурскую падь в четвертой сотне, где служил Ромка и остальные братья, были ранены её командир сотник Вондаловский и пятеро казаков. Попросил уточнить, кто ранен, беспокоясь за своих. Слава богу, все ранены были легко и остались в строю. Братов среди них не было.

Наконец-то есаул приступил к рассказу о сегодняшнем бое. По приказу генерала Грибского войска благовещенского отряда должны были преследовать отступающего к Айгуню неприятеля, стараясь отрезать его от дороги на Цицикар. Эту миссию возложили на казаков под командованием полковника Печёнкина, которым было вменено выступить в пять утра правее почтовой дороги на Айгунь, охватить левый фланг неприятеля и попытаться выйти ему в тыл. Основной ударный кулак в центре и на правом фланге составили переправившиеся войска генерала Александра, отряд Суботича переместился в резерв.

Начало боя прошло по разработанному плану. Авангард отряда Печёнкина быстро дошёл до деревни, или по-китайски манзы, Гакезы и занял её без единого выстрела, так как селение было покинуто и жителями, и войсками. Но лишь казаки миновали рощу, окружавшую это поселение, как попали под обстрел противника, который занял оборонительные позиции у следующего селения, Чихезы, расположенного верстах в трёх.

Пока дожидались подхода основных сил отряда, Плотников, командовавший авангардом, отправил разъезды на разведку вражеских позиций. Вскоре те вернулись и сообщили, что китайцы оставили без боя и деревню Чихезу, но дальше за ней неширокая речка и роща, в которой засели китайцы. Мост через водную преграду наличествует, но узкий, и по нему только один всадник сможет проехать или два стрелка в ряд пройти. Какова глубина реки и есть ли броды через неё, выяснить не удалось. Китайцы начали интенсивный обстрел казаков-разведчиков.

– В общем, форсировали эту речку почти два часа. Стрелки четырнадцатого и Сретенского полков отличились. Правда, и досталось им изрядно. Речка-то шириной курица перелетит, но глубокая. Хорошо, артиллерия наша солдатиков удачно поддержала, да китайцы стрелки кривоглазые и криворукие. Иначе потерь было бы куда больше... – Плотников устало замолчал, а Августа Николаевна аккуратно промокнула платком пот со лба мужа.

– Василий Иванович, может, вы лучше отдохнёте? – обратился к есаулу Бутягин.

– Всё нормально, доктор. Языком болтать – не шашкой махать. – Офицер улыбнулся и продолжил: – Выбили стрелки китайцев с их позиций, и те отступили к горам у манзы Колушань³. И вот здесь нас ожидал неприятный сюрприз. Представляете, китайцы на этих возвы-

³ Колушань – современный Цялунь-шан.

шенностях организовали три яруса ложементов и окопов. Один у подножия, потом на середине склонов и последний по гребню возвышенностей.

«Ни хрена себе, эшелонированная оборона из окопов, – ошеломлённо подумал я, продолжая краем уха слушать рассказ сотника. – Вот это дают китайцы. Нет, конечно, эшелонирование войск применяется бог знает с каких древних времён, но несколько рядов заранее подготовленных окопов и ложементов – это что-то новое в военном искусстве на данном этапе его развития. Молодцы китаёзы. Только нам от этого не то что не легче, а как бы наоборот – тяжковато будет, если у них и дальше по дороге на Мерген и Цицикар такие узлы обороны будут».

Между тем есаул красочно описывал, как казакам и стрелкам пришлось по открытой местности под убийственным огнём штурмовать Колушанские высоты. По его словам, только через час удалось выбить китайцев с первой линии окопов и заставить их отойти на второй ярус, где у них находились резервы. Казачьи сотни, штурмовавшие левый фланг противника, ходили в атаку три раза, стрелки по центру – четыре раза, а на правом фланге – пять раз.

Однако плотным ружейным огнём сверху вниз и артиллерийским с флангов китайским войскам удалось сбить наш наступательный порыв. Казаки и стрелки откатились назад, а китайцы в центре сами перешли в контрнаступление. Генералу Грибскому пришлось срочно вводить в бой всю оставшуюся артиллерию из резерва. Под свистящими пулями бойцы Второй Восточно-Стрелковой артиллерийской бригады развернули две батареи полевых четырёхфунтовых и накрыли метким огнём наступавшие китайские части, заставив их отступить на вторую линию вражеских окопов.

«Уже второй раз звучит в рассказе Плотникова, что если бы не артиллерия, то ничего бы с атаками не получилось», – опять я мыслями отвлёкся от повествования офицера. Понятно, что артиллерия – бог войны. Только он в Российской империи сейчас какой-то недоразвитый – или наоборот. Орудий и снарядов к ним явно мало – это недоразвитость. Но их разнообразие заставляет задуматься – а куда их столько. Глаза в разные стороны расползаются. Я как-то попытался для себя обзорную справку составить и несколько выпал в осадок. Полевые орудия калибром от семидесятишести- до двадцатимиллиметровых – десять наименований различных производителей и со значительными различиями в конструкции. Стопятидесятидвухмиллиметровые гаубицы имеют три модификации. Осадные мортиры – три калибра и пять модификаций. И это ещё не всё.

Краем уха я слушал Плотникова, а сам продолжал вспоминать мою эпопею с задумками внести некие рацпредложения в Главное артиллерийское управление. Пять лет назад на волне воодушевления, что так удачно получилось с пулемётом теперь уже генерал-майора и русского подданного Вильгельма Мадсена, я готов был горы свернуть. Хотя в артиллерии мало чего смыслил, но с восьмидесятидвухмиллиметровым миномётом «Поднос» и подствольным гранатомётом ГП-25 «Костёр» был знаком не понаслышке. Приходилось пользоваться, и довольно часто. Вот и захотелось осчастливить отечество ноу-хау в новой области артиллерии.

Для начала я провёл анализ положения дел с артиллерией в Российской империи, включая производителей орудий, снарядов, взрывчатки для них, после которого несколько погрузнел, если мягко сказать. Тем не менее проект в виде чертежей-эскизов миномёта, гранатомёта, снарядов к ним с описанием возможных тактико-технических характеристик, примерной технологией изготовления и возможной стоимостью направил четыре года назад на имя начальника ГАУ генерал-лейтенанта Барсова Александра Андреевича. О данном человеке я слышал много хорошего как о специалисте в области артиллерии.

Но пошёл пятый год, а по миномёту и гранатомёту тишина. В архиве Военно-учёного комитета своего проекта я не нашёл, в архив ГАУ доступа не имею. В Ораниенбаумской стрелковой школе пару раз Барсова видел, но доступа к телу не смог получить. Не та весовая категория. Была мысль обратиться к Николаю и попробовать через него воздействовать на ГАУ, но потом передумал. На примере Мадсена убедился, насколько тяжело идёт принятие чего-то

нового из вооружения в этом времени, даже если государь высказал своё положительное мнение. Здесь и сейчас нахожусь именно по этой причине, да ещё и свои деньги трачу. Миномёт и гранатомёт финансово точно не потяну.

Вернее всего, чуть больше чем через три с половиной года начнётся Русско-японская война. Как правило, победу определяют три основные составляющие: хорошее снабжение, нормальное управление на всех уровнях и моральный дух войск. Если с последним в русской армии всё хорошо, то две другие – под большим вопросом. Сложившуюся государственную систему в порядок в столь короткий срок не привести, она сгнила сверху донизу. И даже Александру III с его крутым нравом её не исправить, тем более и какого-то его желания не видно.

Если вспомнить то, что я знал о РЯВ в своём прошлом-будущем мире – это была ненужная России война, в которую ее втравивала придворная клика во главе с бездарным царем. Здесь, правда, царь-батюшка более-менее нормальный, но остались те бездарные генералы во главе с Куропаткиным, которые, вернее всего, также проиграют все сухопутные сражения, а такие же адмиралы – все морские. А в тылу от генерал-адмирала и ниже, включая гражданских подрядчиков, будут воровать все подряд миллионами. Плюс финансирование японцами и англичанами революционного движения...

«Куда-то меня опять занесло. Снова глобальные вопросы одним мановением руки решить хочу. Только это из области суперфантастики, – мрачно подумал я. – Что в той войне было светлым пятном – подвиг “Варяга” в начале войны? Но это, как написал Максим Горький, “безумству храбрых поём мы песню!” Так что хрен с этим замшелым руководством империи. Моя задача – сделать так, чтобы все поняли, что и в этом китайском походе, и в той будущей, возможно, позорно проигранной войне есть и будет не одно, а несколько светлых пятен, лучей, так сказать, света в тёмном царстве... И одно из них – это диверсионно-разведывательные действия казаков, вооруженных автоматическим оружием. Может, и миномёты успеем запустить до начала Русско-японской войны. С Николаем, пока ещё не Кровавым, если получится, на эту тему я всё-таки поговорю. И про бронепоезда надо не забыть».

Пока я находился в глубокой задумчивости, есаул Плотников в своём повествовании дошёл до того момента, как русские войска приступили к штурму ложементов и окопов второго яруса Колушанских высот. Наступление начали после получасовой артиллерийской подготовки. Подошедшие читинцы из резерва Суботича штурмовали правый фланг противника, сретенцы – центр, а казаки – левый фланг. Во время второй атаки четвёртая сотня под командованием сотника Волкова, заменившего на время раненого Вондаловского, попыталась захватить ложементы с китайскими пушками, ведущими фланговый огонь.

– При захвате одного из орудий Леонид Петрович и погиб. Он скакал впереди казаков к зарядному ящику, на котором сидел китаец. Не знаю, что там произошло в действительности, кто-то говорит, что китаец взорвал сам себя, но я в это слабо верю, – Плотников усмехнулся. – Вернее всего, в боеприпас попала пуля, что привело к взрыву всего запаса снарядов. От этого взрыва погибли Волков и несколько казаков.

– Как же теперь Екатерина Дионисьевна будет? – всхлипнула Августа Николаевна, прерывая мужа. – Трое детишек-погодков. Младшенькому и года нет.

– Не плачь, Устенка, – есаул погладил жену по предплечью. – Все под Богом ходим. Мне вот повезло, легко зацепило, а Леониду Петровичу – нет. Говорят, его взрывом вместе с конём на пару саженой отбросило. А Екатерине мать с отцом внуков поднять помогут. Да и мы миром поможем.

– Да, не стало первого и единственного поэта Приамурья, – грустно вытирая платком уголки глаз, произнесла незнакомая мне сестра милосердия и продолжила мелодичным голосом:

Не богат наш край преданьями

Эпопеи вековой,
Переполнен он страданиями,
Тьмой глубокой и нуждой...

Я же про себя вспоминал наши отношения с Волковым. Всё-таки знакомы были почти девять лет. Дружбы не было, нельзя было назвать их даже приятельскими. Честно говоря, к поэзии я был и остаюсь равнодушным. Те песни, автором которых считаюсь, – чистый плагиат из будущего, вырывающийся, как правило, если я перебирал спиртного. Леонид же Петрович к моей славе песенника относился с большой ревностью, я же его стихов достойно оценить не мог, считая какими-то наивными, что ли.

В голове всплыло несколько строк, запомнившихся из-за простодушия, какой-то невинности и неискушённости:

Могуча матушка Россия.
Ей вражья злоба не страшна,
Не грозны вороги лихие.
Пусть будет дружба всех крепка.
Тогда в бою, я верю свято,
Солдат поддержит казака,
Казак же выручит солдата.
Во время ужасов войны,
С пути сметая все преграды,
Взаимной выручкой сильны,
Не дрогнут русские отряды.

А по-человечески Волкова было жалко. Ещё в большей степени жаль было его жену и детей. Поглядев на Машеньку, которая стояла боком ко мне, как от озноба передёрнул плечами.

«Может, ну её к ядрёной фене семейную жизнь. А то с моей профессией – родину защищать – есть большая вероятность, что Мария Аркадьевна может получить весточку о моей преждевременной кончине на поле боя. А как-то не хочется её вдовой сделать, а возможных детей сиротами оставлять», – подумал я и чуть не плюнул через плечо три раза, чтобы не сгладить.

Между тем окружающие продолжали горячо обсуждать смерть Волкова. Он для них всех был близким человеком. Кроме проблемы похорон, кто-то поднял вопрос о том, что необходимо за счёт общества объединить и издать одним сборником стихи, рассказы, очерки Леонида Петровича, которые были напечатаны в газетах «Сибирь», «Восточное обозрение», «Амурский край», «Владивосток», в журнале «Природа и охота», в двух небольших сборниках стихов «На Амуре» и «На Дальнем Востоке». Не участвовали в этом я, супруги Бутягины и Машенька. Мы были в Благовещенске людьми новыми, пришлыми, с творчеством поэта незнакомыми, ну, может быть, кроме меня. Но мне сказать было нечего.

Минут через десять, когда ажиотаж обсуждаемого вопроса спал, Плотников смог продолжить повествование о дальнейших перипетиях боя. Хотя рассказывать было уже практически нечего. Китайцев дружно выбили со второго яруса окопов и ложементов, а потом стрелки на плечах отступающего неприятеля ворвались и в третью линию окопов, заставив центр и правый фланг обороны противника отступить с Колушанских высот. Левый фланг, который атаквали казаки, слаженно последовал за отступающими колонами китайцев.

Но это организованное отступление закончилось, когда на гребень высот подняли наши орудия. Огонь шрапнелью из них заставил броситься китайцев в бегство. А тут и казаки подошли, перевалив через хребет Колушанской горы. Несколько оставшихся боееспособными под-

разделений войск принца Цина смогли сдержать атаки казаков и позволили основной массе китайцев отступить к Айгуню. Во время этих последних атак Плотников и был ранен. И не он один. Потери были значительные. Кроме Волкова из Амурского казачьего полка погибли ещё старший урядник и пять казаков, а вместе с Плотниковым были тяжело ранены три урядника и шесть казаков. Легкораненых никто не считал, так как они оставались в строю. У стрелков потери были ещё больше.

Когда народ по окончании рассказа разошёлся от кровати раненого, я не удержался и поинтересовался, как себя в бою вёл хорунжий Селивёрстов.

– Ох, Тимофей Васильевич, и не спрашивайте. Вот ведь настоящий сорвиголова. Когда первая атака Колушанских высот закончилась неудачей, генерал Грибский приказал объединить все десять пулемётных расчётов в один отряд под командованием Романа Петровича, – есаул улыбнулся и разгладил усы. – При втором штурме они шли в центре во главе сретенцев на том участке, где стояли шесть китайских орудий, и перебили всю прислугу, а также пехотное прикрытие. Говорят, хорунжий Селивёрстов был впереди всех с пулемётом. Ловко так действовали, как те кубанские пластуны во время войны с турками. Никто даже ранен из них не был. Захватили все шесть орудий, шесть знамён принца Цина, в три раза больше, чем мы двумя сотнями на левом фланге. Так что, думаю, очень скоро на груди Романа Петровича будет такой же заветный для всех офицеров белый крестик, как и у вас. Да и ваши братья, а они все были в пулемётных расчётах, точно по знаку отличия Георгия четвертой, а то сразу и третьей степени получают.

Я смотрел на Плотникова и тихо так ох... Удивлялся то есть. Новость, действительно, была потрясающей. Больше всех меня изумил военный губернатор Приамурья. Додуматься создать штурмовой отряд, вооруженный десятью ручными пулемётами, и направить его на самый важный участок атаки. Это что-то с чем-то. А с учётом того, что там ещё и два снайпера с оптикой резвились, то у орудийных расчётов, как и их прикрытия, даже минимального шанса выжить не было.

«Ай да молодец, Константин Николаевич! Брависсимо! И ребята отличились, и пулемёты вновь отметились. Вот только Ромке втык вставлю, не хрена впереди идти, так как командир должен управлять боем», – улыбаясь на ширину приклада, подумал я. Только внутренний голос всё испортил, напомнив мне, что кто-то сам как затычка во все дырки, точнее отверстия, лезет впереди всех.

«Поэтому сначала бревно из своего глаза убери», – громко сказал голос-совесть и, слава богу, заткнулся.

Пожелав Василию Ивановичу скорейшего выздоровления, прошёл к комнате для медперсонала. Открыв дверь, увидел, что там полный аншлаг. Поэтому, кивнув двум Мариям, как бы попрощавшись, закрыл дверь и направился в резиденцию губернатора.

По дороге шёл и думал, каким образом мне попасть в отряд Павла Карловича. Из того, что уже узнал о нём здесь – начальником штаба войск Забайкальской области был переведён полгода назад с должности командира 36-го драгунского Ахтырского полка. В апреле этого года был произведён в генерал-майоры за отличие, хотя ходили слухи о его каких-то денежных махинациях с полковой кассой, за что и был отправлен в почетную ссылку. Есть любимчики, но по общим отзывам – командир хороший, строгий, требовательный, грамотный. Недаром Драгомиров назвал его полководцем военного времени. То, что командовал драгунами, то есть «конной пехотой», для меня тоже хорошо. Не должен быть зашоренным на одну конную атаку и рубку всех в капусту.

Из прошлого-будущего генерал Ренненкампф ассоциировался с успешным конным рейдом во время Китайского похода, а также с разгромом армии Самсонова во время Первой мировой войны, причиной которого стало то, что Ренненкампф, как командующий соседней

армией, якобы из-за личной неприязни не оказал помощь войскам Самсонова. Но тот это Ренненкампф или нет, со стопроцентной уверенностью я утверждать не могу. Просто не помню.

Придя во временно отведённый для меня кабинет в резиденции, сел за стол, положил перед собой чистый лист бумаги, ручку и задумался.

«“Что делать?” – извечный вопрос не только русской интеллигенции, часто он возникает перед любым человеком. Ответа на него пока нет, поэтому зададим себе другой вопрос: “что имеем?” – усмехнулся про себя. – А имеем мы то, что по инициативе Ренненкампфа, или Грибского, или кого-то другого будет создан конный отряд из казаков, который рванёт вперёд на Мерген, потом на Цицикар и дальше на Гирин».

Я взял ручку, макнул перо в чернильницу и нарисовал на листке кружок, подписав его «отряд», от него стрелку и квадрат «Мерген». От стрелки – другую, вниз, и квадрат с подписью «Малый Хинган». После чего опять погрузился в задумчивость. Рейды конницы в тыл противника широко применялись ещё в петровские времена, в войнах наполеоновской эпохи, в американской Гражданской войне тридцать пять с хвостиком лет назад. А набег генерала Гурко за Балканы в Русско-турецкую в одна тысяча восемьсот семьдесят седьмом году изучают в юнкерских и военных училищах. Так что в конном рейде ничего нового нет, но вот по составу и вооружению отряда можно подкинуть пару идей генералу Ренненкампфу.

Всех тонкостей похода я не помнил, как и не помнил, каким образом в моей истории этот летучий конный отряд прошёл единственную дорогу на Мерген через хребет Малого Хингана, но без артиллерии и пехоты там делать нечего. А вот за ним, можно сказать, оперативный простор для конницы. Там и тачанки можно применить.

Бои под Тяньцзинем, где я увидел действие принятых год назад на вооружение новых пулемётов Хайрема Максима, меня несколько разочаровали. Пулемётный расчёт из десяти человек, двуколка для перевозки патронов и пулемёта, причём на ней в походном положении едут трое, плюс пулемётный унтер верхом, а шестеро идут рядом. Для конного рейда такое передвижение точно не подходит. Для пехоты это, возможно, и годится. Но только пулемётный унтер-офицер, семь номеров расчёта и двое ездовых⁴, по моему мнению, ну очень большой перебор. Если пулемётчик профи, ему на х... не нужен пулемётный унтер, два подносчика патронов и воды, дальномерщик, двуколочный, запасной. У капитана Муравского в пулемётной батарее наводчики-пулемётчики все были мастерами своего дела. Команды выполняли раньше, чем офицер их произносил, а унтера передавали. Передасты, блин!

«Так, надо уточнить, есть ли среди тех подразделений, которые должны сегодня прибыть с генералом Ренненкампом, пулемётные батареи с новыми максимами, а то в уже прибывших войсках была только полубатарея старых, ещё на лафетах. Если есть хотя бы одна батарея, то будет восемь тачанок. И это просто здорово! Восемь максимов, десять мадсенов, да ещё батарею из шести конных четырёхфунтовок. Вот это огневой кулак собирается! Кстати, я только в Благовещенске штук пять рессорных повозок-двуколок видел, пригодных под тачанки. Реквизировать их, конечно, не получится. Если что – выкуплю, – подумал я, но тут жаба схватила меня за горло и начала душить. – Ладно, может быть, в Айгуне найдём бесплатно. И рано ещё делить шкуру неубитого медведя. Есть большая вероятность, что генералы меня, как обычно, пошлют в долгий пеший маршрут. Про тачанки я лично Александру III почти восемь лет назад рассказывал. А имеем сегодня вот такой пулемётный расчёт в десять человек, ладно хоть максимы более-менее похожи на те, которые в моём мире приняли на вооружение в одна тысяча девятьсот десятом году. Хоть какой-то прогресс».

С этими мыслями я направился к войсковому старшине Сотникову, исполнявшему обязанности дежурного генерала и коменданта Благовещенского отряда. У Николая Киприяно-

⁴ «Строевой устав пулеметных команд пехоты», 1912 год.

вича должен был быть перечень всех подразделений, которые сегодня должны были прийти в город под командованием генерала Ренненкампа.

Проходя мимо рабочего кабинета губернатора, замедлил шаг, так как мне послышался из него какой-то тихий металлический скрежет и позвякивание. Потихоньку приблизился к двери и приложил к ней ухо. Тишина. Я лизнул тыльную сторону ладони и поднёс её к замочной скважине. Ощутимо потянуло сквозняком. Тихо сделав пару шагов от двери, я, уже не скрываясь, проследовал дальше.

«В кабинете военного губернатора находится никто не должен, наружная дверь заперта и опечатана, однако я слышал звуки и из помещения тянет сквозняком, будто окно открыто. А этого не может быть», – с этими мыслями я ускоренным шагом добрался до караульного помещения.

– Смирно! Ваше высокоблагородие... – начал докладывать старший урядник, но я остановил его движением руки.

– Урядник, быстро ключ от кабинета губернатора, двух казаков под окна, вестового к войсковому старшине Сотникову с докладом, что в кабинет генерала Грибского кто-то проник. Сами следуете со мной. Выполнять, но тихо.

– Слушаюсь, ваше высокоблагородие.

Старший караульной смены оказался смышленным малым, хотя и крупных габаритов. Без лишних вопросов и разговоров вскрыл опечатанный ящик, где на случай пожара хранились ключи от кабинетов резиденции, выбрал и передал мне нужный. Поднял трёх казаков свободной смены и быстро отдал приказания. Не прошло и минуты, а мы уже выдвинулись навстречу возможным приключениям.

– Урядник, дверь в кабинет губернатора на сколько оборотов закрывается?

– Не могу знать, ваше высокоблагородие. Ни разу не закрывал и не открывал.

«Хреновато. Да даже если и на один оборот, всё равно незваный гость может успеть среагировать на отпираемую, а затем и открывающуюся дверь. А вот как себя он дальше поведёт? Большой вопрос! Может и стрелять начать, чего совсем бы не хотелось, – подумал я и пристально посмотрел на казака. – А здоровый детинушка, ему бы кувалду, с одного удара замок бы вышиб. Только кувалды нет, но тело весом под сто кило есть».

– Стоп, слушай меня внимательно, – сказал я, остановившись и остановив за руку казака.

– Слушаю, ваше высокоблагородие, – ответил тот, смотря на меня сверху вниз.

– Сейчас мы подойдём к кабинету. Я встану у левой створки двери, а ты с разбега постараешься вышибить правую створку. Причём сильно постараешься. Дверь открывается внутрь. Всё понятно?

– А как же ключ?

– Понимаешь, братец, боюсь, за то время, пока мы отпираем да открываем дверь, находящийся там варнак может успеть подготовиться и открыть по нам огонь. Поэтому выламываешь дверь и падаешь на пол...

– Ваше высокоблагородие, да я этого разбойника в бублик скручу, даже пикнуть не успеет, – перебил меня казак.

– Верю, урядник, но поступим так, как я сказал. И попробуй только на пол не упасть. Тебе всё понятно?!

– Так точно.

– А теперь пошли.

К двери уж подкрадывались, ставя ноги так, чтобы не заскрипели полы. Урядник метров за пять до кабинета оставил на полу карабин и шашку, а я – только шашку, взяв в руку наган.

«Хорошо, что шпор нет», – на волне адреналина нервно посмеялся я про себя, встав у левой створки и прислонив к ней ухо.

Из кабинета вновь донёсся какой-то тихий металлический скрежет. Я посмотрел на урядника, который, чуть наклонившись вперёд, стоял у противоположной стены напротив двери. Я мотнул головой, и казак сорвался с места, как разъярённый кабан. Удар в дверь, треск, и правая створка вместе с казаком падает на пол внутри кабинета.

Несколько ошеломлённый таким успехом урядника в вышибании двери, с задержкой в секунду и согнувшись, заскакиваю в кабинет губернатора и тут же отскакиваю влево, чтобы уже поднимающийся с пола урядник не мешал. Краем глаза замечаю, как из угла, где стоял сейф генерала Грибского, к окну метнулась низкорослая фигура.

– Стоять! Стрелять буду! – закричал я, пытаюсь поймать цель на мушку.

И тут незваный гость совершил ошибку. Если бы он сохранил ту же скорость и выпрыгнул в окно – насколько я помнил, там была клумба с цветами, да и высота до земли не больше сажени, то вряд ли я смог бы его остановить. Мне хотелось взять его живым, поэтому на поражение стрелять я бы не стал. А дальше у него был шанс от нас уйти. Сейчас же шанса не осталось.

Противник резко остановился и вскинул руку с револьвером. Что же, «потанцуем, потанцуем», как сказал один из героев сериала «Спецназ», которого играл Александр Балувев. Из того эпизода хороший клип получился. И так, поехали – танцуем, жалко, места маловато.

Дернул головой влево, шаг вправо. Первый выстрел незваного друга. Пуля пролетела довольно-таки далеко. Слегка дернул правой кистью, чуть заметное движение правым коленом, шаг влево и вперёд. Второй выстрел, на который я ответил своим, стараясь задеть ему плечо правой руки, в которой он держал револьвер. Мимо! Его выстрел. Оба мимо!

«А ничего противник попался. Надо заканчивать этот танец, а то ещё немного – и в клинч перейдём», – подумал я, делая движение плечами вправо, а ещё один шаг влево и вперёд. Четвёртый выстрел. Движение правой стопы, правой руки, чуть согнул левую ногу, шаг вправо. Пятый выстрел. И тут у незваного гостя не выдержали нервы, и я его прекрасно понял. Ты выстрелил пять раз чуть ли не в упор, а твой противник продолжает идти в твою сторону и ещё наводит на тебя оружие, чтобы ответить огнём.

В общем, мой оппонент на внезапной дуэли кинулся к окну и вскочил на подоконник, когда я нажал спусковой крючок. Застыв в проёме окна, как товарищ Саахов, получивший заряд соли в пятую точку⁵, ворог вывалился в окно. Но упал как-то странно.

«Неужели промахнулся и вместо бедра куда-то в жизненно важный орган попал?» – промелькнуло в голове, пока в несколько скачков добрался до окна и выглянул наружу.

Мой противник лежал на клумбе с цветами, и голова его была неестественно вывернута. Рядом с трупом стояли посланные сторожить окно двое казаков.

– Ваше высокблагородь, кажись, готов. Шею свернул, – подняв голову, произнёс один из них.

⁵ Фильм «Кавказская пленница».

Глава 5. Ренненкампф

«Да что это за непруха-то такая пошла! В разведке на Сахалин целого китайского полковника потеряли из-за того, что плечевую артерию прострелили. Здесь вообще не понятно, что произошло. Если только я в бедренную кость попал и клиент от болевого шока сознание потерял, поэтому и упал из окна так неудачно – прямо на голову, и шея тю-тю». Я раздражённо отвернулся от окна и увидел урядника, тарашившегося на меня, как...

Подобрать слово не удалось. В общем, он смотрел на меня так, будто я только что, как Христос, прошёл по воде озера, не замочив ног.

– Молодец, урядник! Дверь вышиб просто на ура, – произнёс я, чтобы хоть что-то сказать.

– Старший урядник Смирнов Андрей Павлович, ваше высокоблагородие. Рад стараться, ваше высокоблагородие, – вытянулся во фронт казак, преданно поедая меня глазами. – Ваше высокоблагородие, дозволейте вопрос?

– Задавайте, Смирнов Андрей Павлович.

– А как варнак-то этот в вас не попал? Пять раз стрелял почти в упор и не попал. Вы что, заговорённый или Богородица вас бережёт? – казалось, урядник сейчас лопнет от любопытства.

– Может, заговорённый, братец, а может, и Богородица хранит, – усмехнулся я.

– Значит, молва не брехала, что Ермака, то есть вас, ваше высокоблагородие, нельзя убить. Сегодня уподобился лично это чудо увидеть, – произнёс урядник и перекрестился.

«Ну вот, ещё один слух в копилку моих подвигов, – подумал я, направляясь мимо урядника к сейфу. – А что, мне надо было рассказать казаку, что такое качание маятника?! Что это вам не просто мотание тела туда-сюда, а умение мгновенно просчитать противника, его моторику и окружающее пространство? Плюс к этому – идеальное владение своим телом. А вот это, признаться, в последнее время подзапустил». Если совсем кратко, то маятник – это телесный гипноз. Ты не просто знаешь, куда выстрелит противник, а своими движениями заставляешь выстрелить его туда, куда тебе надо. И что бы мне урядник Смирнов на такое объяснение после увиденной перестрелки ответил? Пусть лучше будет чудо.

Подойдя к сейфу, увидел, что рядом с ним на полу лежит связка, судя по всему, отмычек. Вот и определились, кто у нас незваный и неожиданный гость. Опять шпион пожаловал. Понять бы теперь – чей.

– Смирнов, без меня никого в кабинет не впускать. Я пошёл труп осматривать. Если подойдёт войсковой старшина Сотников, крикнешь меня в окно.

– Слушаюсь, ваше высокоблагородие.

– Иди, в коридоре свой карабин и шашку забери. Считаю, что я тебя выставил временно на пост в этом кабинете. Выполняй.

– Слушаюсь.

Пока урядник бегал вооружаться, я осмотрел сейф. Слава богу, вскрыть его шпион или разведчик не успел или не смог. Смирнов вернулся и заступил на пост, а я направился по коридору на выход. Можно было, конечно, выпрыгнуть в окно. Но это было как-то несолидно, да и шашку свою надо было забрать. Исполнительный урядник прихватил только своё оружие, оставив моё в коридоре.

Через пару минут я уже сидел на корточках перед трупом шпиона. Как и предположил, попал я в верхнюю часть бедра и, вернее всего, в кость. Дальше болевой шок и неудачное падение. Позвоночник в шейном отделе был сломан, и голова болталась свободно.

Шпион на первый взгляд был сухощавым мужчиной лет тридцати, ростом около ста шестидесяти сантиметров. Внешность европейская, но с азиатскими чертами. Вернее всего – полукровка. Одет был как госслужащий с достатком. Сюртук, брюки, туфли, рубаха, часы

на цепочке в серебряном корпусе. Котелок незнакомца остался лежать на сейфе. Вся одежда имела ярлыки английских производителей, но это ни о чём не говорило. Такую одежду можно было купить в торговых пассажах Благовещенска.

Стрелял в меня шпион-неудачник из английского полицейского короткоствольного Webley RIC № 2, который я обзывал «маленькая Вобля». Для скрытого ношения подходит неплохо, для скоротечного боя накоротке тоже. Но чтобы стрелять надо было не больше шести раз. Перезарядка этого чуда английской оружейной мысли была морочкой ещё той.

Документов у трупа не нашлось, денег также. Во внутреннем кармане сюртука имелось несколько сложенных листов кальки и пара карандашей.

«Обстановку на картах хотел, что ли, перерисовать, – подумал я разглядывая вещи, собранные с убитого. – Тяжело сейчас быть шпионом. Фотоаппараты ещё те громадины, в кармане не спрячешь. Всё чаще ручками копировать приходится».

В этот момент в окне кабинета губернатора показалась голова урядника Смирнова.

– Ваше высокоблагородие, его высокоблагородие войсковой старшина Сотников прибыл. Вас требует.

Продолжить доклад казаку не удалось, так как рядом с ним нарисовалась фигура Николая Киприяновича.

– Тимофей Васильевич, что всё это значит? Сначала прискакал вестовой, сообщил, что в кабинет военного губернатора кто-то пролез. Прибываю сюда, дверь в кабинет выбита. Меня, исполняющего дела дежурного генерала Благовещенского отряда, внутрь не пускает урядник, ссылаясь на ваш приказ. Может, объясните... – Сотников замолчал, рассмотрев, наконец-то, труп у моих ног.

– Господин войсковой старшина, данный неизвестный, – я показал рукой на покойника, – через окно проник в кабинет генерала Грибского и попытался вскрыть его служебный сейф. При попытке его задержания оказал вооружённое сопротивление. К сожалению, мой выстрел ему в ногу при попытке выпрыгнуть в окно привёл к тому, что при падении неизвестный сломал себе шею. Расспросить, кто он и что делал в кабинете губернатора, не представляется возможным.

– И что нам делать?

– Надо послать за полицмейстером. Пускай Леонид Феофилактович дальше разбирается. Может быть, удастся опознать покойного.

Так и поступили. Пока дожидались прибытия Батаревича, выяснил у Сотникова, что с Ренненкампом следует батарея новых пулемётов Максима. Также переговорил с ним о том, что хочу отправиться в поход с Павлом Карловичем, и не будет ли Николай Киприянович против предложения подменить меня на должности пограничного комиссара.

Сотни Амурского казачьего полка неизвестно когда вернутся из похода. А содержание пограничного комиссара повыше, чем помощника командира полка и коменданта Благовещенского отряда. А для семьи, где растёт шесть детей, денежная прибавка лишней не будет. Да и контрабанда опять пойдёт, если уже не идёт через Амур, а с неё премию до сорока процентов от стоимости выделяют тем, кто её перехватил. В общем, до приезда полицмейстера Сотникова я уговорил, если что, занять моё место. Грибский через пару дней точно вернётся в Благовещенск, и обязанности дежурного генерала для Николая Киприяновича закончатся.

Где-то с час ещё пришлось поработать со следственным приставом, прибывшим вместе с Батаревичем. Новой информации получить не удалось. Шпиона никто не опознал, но Леонид Феофилактович пообещал провести тщательное расследование.

После этого направился в свой кабинет, где продолжил готовиться к встрече и разговору с Ренненкампом. Появившегося как из-под земли Севастьяныча отправил взять в аренду на вечер подрессоренную двуконную бричку, предварительно объяснив и даже нарисовав то, что мне надо под тачанку. Воодушевлённый идеей такого использования пулемёта денщик отпра-

вился на поиски, а я продолжил рисовать схемы возможного использования ручных и станковых пулемётов во время конного рейда.

Около девяти часов вечера на пароходах «Зея», «Ононь», «Аргунец», «Полезный», «Чикой», «Байкал» и «Вышнеградский» и нескольких баржах в Благовещенск прибыл отряд генерала Ренненкампа в составе двух батальонов, двух батарей, одна из которых была пулемётная, и сотни казаков.

Головной пароход «Зея» подошел к причалу, где отряд встречали жители во главе с полковником Волковинским, председателем войскового правления Амурского казачьего войска, и войсковым старшиной Сотниковым, исполняющим дела дежурного генерала. Я затерялся во втором ряду.

По трапу на берег быстрым шагом спустился сухощавый, среднего роста мужчина в форме забайкальского казачьего войска с генеральскими погонами, главной достопримечательностью которого были шикарные усы вразлёт. Глядя на них, от зависти, вернее всего, умер бы и Семён Михайлович Будённый, тем более у него сейчас только пушок над верхней губой начал образовываться. Я в этом времени не переставал удивляться разнообразию шикарной растительности на лицах как военных, так и гражданских лиц, начиная где-то с седьмого класса Табели о рангах.

И чем выше был класс, тем изощрённее становилась композиция волос на лице: двойные бороды-бакенбарды, усы вразлёт или с загнутыми кончиками вверх, или такое, что заставляло задуматься о психическом здоровье некоторых представителей аристократии.

Сотников, как дежурный генерал, встретил Ренненкампа, после чего мы отправились в резиденцию губернатора. С одной стороны – Сотников, Волковинский и я, с другой стороны – Павел Карлович и двое его офицеров. Доклад о сложившейся обстановке было поручено сделать мне. К новостям, которые дошли до нашего берега к этому времени, можно было отнестись то, что, выбив противника с Колушанских высот и обратив его в бегство, наши войска были вынуждены остановиться из-за усталости коней, да и раненым надо было оказать помощь. Поэтому, заняв селение Колушань, войска встали на бивак, выставив аванпосты. Сложившуюся обстановку я показывал на карте, также упомянул о планах командования по наступлению на Мерген и далее на Цицикар. Закинул удочку о том, что неплохо бы было организовать конный летучий отряд, усиленный пулемётами и артиллерией, для быстрого прорыва обороны противника и захвата стратегически важных объектов в его тылу.

Заинтересованный Павел Карлович активно вступил со мной в диалог. Используя карту, доложил поэтапное действие отряда на пути Айгунь – Мерген – Цицикар, а также показал схемы действий пулемётных расчётов и артиллерии. Рассказал и про тачанки. Последнее настолько зацепило генерала, что он отдал приказ одному из офицеров доставить к резиденции пулемёт Максима с боекомплектom. Хорошо, что Севастьяныч к этому времени уже находился у дома губернатора с арендованной бричкой.

Где-то через полчаса отправились на стрельбище. Солнце зашло часа полтора назад, но было ещё светло. Мы ехали верхом, а на бричку установили максим, посадили наводчика и его помощника из пулемётной батареи. Возница у этого транспорта остался прежним.

На стрельбище объяснил, что надо делать вознице и пулемётчикам, после чего дал отмашку начинать. Первый блин, как всегда, получился комом. Лошади, запряжённые в бричку, испугались выстрелов из пулемёта и понесли, но их «рулевой» сумел справиться с ними. Пришлось перепрягать лошадей, заменив хозяйских на дежурных из резиденции, привыкших к выстрелам.

В сгущавшихся сумерках быстрый выезд тачанки на огневой рубеж, открытие пулемётного огня и отступление со стрельбой на ходу выглядело очень эффектно. С точностью стрельбы было несколько хуже, но попадание в мишени отметили все. Наградив возчика дополнительно, отправились в ресторан на заранее заказанный поздний ужин. Переправа на тот берег

отряда Ренненкампфа была назначена на час ночи двадцать второго июля, и до неё оставалось ещё два часа.

– Тимофей Васильевич, а вы не хотели бы продолжить службу в качестве обер-офицера по особым поручениям при штабе будущего летучего отряда? – поинтересовался у меня в конце ужина генерал Ренненкампф, который, как и остальные, услышал во время приёма пищи в числе прочего и мою историю нахождения в Благовещенске на должности пограничного комиссара.

– Ваше превосходительство, буду вам искренне благодарен. Мне, действительно, необходимым и очень нужным представляется личное участие в рейде. Именно для этого я и прибыл на Дальний Восток. Но... Есть приказ, и я оказался, пусть и временно, но не на той должности, – с сожалением произнёс я.

– Я уже сделал предложение и постараюсь уговорить Константина Николаевича, – твёрдо проговорил Ренненкампф.

– Тогда, ваше превосходительство, прошу прощения, но разрешите покинуть вас, надо собраться для похода.

Получив разрешение генерала, вышел из ресторана и чуть ли не бегом направился домой к Тарале. С Севастьянычем собрались быстро. Успел написать записку Бутягину, в которой рекомендовал ему, если тот не передумал, с утра переправиться в Сахалин, куда завтра будет переведён главный перевязочный пункт Благовещенского отряда. Дальше, если повезёт, то попадём в рейд. Потом пришлось добираться ещё до губернаторской резиденции, откуда забрал свои бумаги и с дежурным посыльным отправил записку Павлу Васильевичу. К отходу парохода «Зея» с денщиком Хохловым успели впритык.

Переправа и высадка в Сахалине отряда Ренненкампфа закончилась к трем утра, и до восьми часов подразделениям было приказано отдыхать. Поужинать стрелки и казаки успели во время остановки у Благовещенска, поэтому очень скоро в мерный шелест амурских волн влились характерные звуки спящего военного лагеря. Чтобы не мешать офицерам командовать своими подразделениями при высадке и организации бивака, своё представление я отложил на утро.

Разбудил меня господин Бутягин, который, едва дождавшись рассвета, нанял лодку и перебрался через Амур. Потратив некоторое время на мои поиски, он случайно обнаружил Хохлова, искавшего кипяток, и вместе с ним прибыл к моей дрыхнувшей тушке. Пока Севастьяныч меня брил, Павел Васильевич выложил все новости, сводившиеся кратко к тому, что обе Марии очень волнуются, передают приветы, и у него с собой почти тысяча доз пенициллина. Закончил свой рассказ доктор вопросом:

– Тимофей Васильевич, вы уже договорились с генералом Ренненкампфом о моём участии в рейде?

– Павел Васильевич, на эту тему я с его превосходительством ещё не разговаривал. Пока под вопросом и сам рейд, и моё участие, ну и ваше тоже. Скоро буду представлен офицерам отряда Павла Карловича, – начал я отвечать, вытирая лицо полотенцем, но был перебит Бутягиным:

– А почему рейд под вопросом?

– Павел Васильевич, вы вчера слышали рассказ сотника Плотникова о бое на Колушанских высотах и насколько он был тяжёлым. Только в Айгуне по предварительным сведениям было более десяти тысяч имперских солдат и конницы. Большое количество артиллерии. А вот сколько ихэтуаней в округе Айгуна – неизвестно. Но я думаю, что куда больше, чем официального войска.

Я сделал паузу, закончив убирать остатки пены на лице.

– Поэтому ещё неизвестно, сможем ли мы с нашими силами захватить Айгунь и продвигаться дальше в Маньчжурию.

– Да Бог с вами, Тимофей Васильевич, да один наш солдат пяти, а то и десяти китайских солдат стоит. Они с таким перевесом в силах так и не рискнули напасть на Благовещенск. Так что разгромим их, даже и не сомневайтесь. Побегут из города эти желтолицы, только пятки сверкать будут, а мы за ними в Маньчжурию пойдём.

– Ваши слова да Богу в уши. Но, как говорится, на Бога надейся, а сам не плошай. Пойдёмте на утреннее совещание у генерала. Меня там Павел Карлович представит, а я вас.

Знакомство с офицерами прошло быстро. На мою просьбу взять с собой в рейд доктора Бутягина с его новым лекарством, способным помочь при нагноениях ран и прочих болезнях, Ренненкампф ответил согласием. После совещания и отдания приказа отряд двинулся по дороге к Айгуню. Было необходимо пройти около пятнадцати вёрст. С учётом обозов и переносимого солдатами груза, с войсками Благовещенского отряда должны были соединиться часов через шесть-семь.

В штаб генерала Грибского попали в самый разгар боя за предместья города. Пока их превосходительства общались между собой, я нашёл капитана Самойлова, который и рассказал мне о последних событиях. По словам Михаила Константиновича, боевые действия развивались следующим образом.

После боя за Колушанские высоты вымотанным войскам пришлось дать продолжительный отдых. По приказу дальнейшее наступление на Айгунь должно было начаться сегодня в два часа после полудня. Проведённая ночью разведка показала, что по дороге на Цицикар всю ночь из города уходили жители, войска, повстанцы. Однако в городе и на позициях перед ним оставались значительные силы противника.

На совещание было решено, что семь рот забайкальских стрелков при четырнадцати орудиях и сотне казаков-нерчинцев атакуют позиции китайцев в лоб. Конница под командованием Печёнкина в составе четырёх сотен должна обойти правый фланг противника, перерезать почтовую дорогу на Цицикар и встретиться на ней с Зазейским отрядом под командованием полковника Фотенгауера, замкнув кольцо окружения. После этого противник, если не сдастся, должен был быть уничтожен.

А дальше события стали разворачиваться как по высказыванию Виктора Степановича Черномырдина: «Хотели как лучше, а получилось как всегда». Печёнкин с казаками где-то потерялся, как и Фотенгауер со своими стрелками. От них нет никаких вестей. Позиции китайцев вот уже третий час атакует боевая часть генерала Суботича и подразделения из общего резерва генерала Александрова, и не сказать чтобы успешно.

– Тимофей Васильевич, я впервые столкнулся с такой эшелонированной обороной. На Колушанских высотах было три линии окопов и ложементов. Маньчжуры, как кроты, зарылись в землю. Сколько здесь линий обороны, пока неизвестно. Мы прорвали пока две, – капитан снял фуражку, после чего платком протёр вспотевший лоб и околыш с козырьком фуражки с внутренней стороны. – Признаться, только неумение солдат противника вести прицельную стрельбу, а также то, что они не выдерживают нашей штыковой атаки, плюс умелые действия наших артиллеристов позволяют выбивать противника с этих хорошо укрепленных позиций. Если бы мы поменялись местами, нас бы хрен кто выбил и с первой линии окопов.

– Полностью с вами согласен, Михаил Константинович, а ещё представьте, что к имеющимся окопам и ложементам добавятся перед окопами вкопанные рогатки, соединенные колючей проволокой, которую широко используют для скотоводства в Америке, да в несколько рядов. Плюс к этому в линии обороны сооружены защищённые со всех сторон огневые точки для пулемётов Максима, да и ложементы для орудий также защищены хотя бы деревянным срубом, засыпанным землей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.